

The background of the cover is a dramatic, painterly illustration. It depicts a young man in a dark brown military uniform with a high collar and a sash, standing in a desolate, ruined city. The architecture is dark and crumbling, with smoke or mist in the air. A bright, hazy light source is visible in the upper center, creating a strong backlight effect on the man and the surrounding ruins.

АЛЕКСАНДР САНФИРОВ

**ШЕФ-ПОВАР
АЛЕКСАНДР КРАСОВСКИЙ 3**

Шеф-повар Александр Красовский

Александр Санфиров

**Шеф-повар Александр
Красовский 3**

«Автор»

2022

Санфиров А. Ю.

Шеф-повар Александр Красовский 3 / А. Ю. Санфиров —
«Автор», 2022 — (Шеф-повар Александр Красовский)

История продолжается. Книга содержит нецензурную брань.

© Санфиров А. Ю., 2022

© Автор, 2022

Александр Санфиров

Шеф-повар Александр Красовский 3

Александр Санфиров

* * *

Не сомневаюсь, со стороны, кому-то покажется, что можно только радоваться, узнав, что ты сможешь прожить еще одну жизнь. Но мне сейчас просто хотелось умереть. Шок от произошедшего был слишком силен.

Похоже, мой вид оставлял желать лучшего, потому, что Сережка Грязев беспомощно оглянулся по сторонам, как будто хотел увидеть еще кого-то, а затем просто вышел из помещения. Почти сразу после него в палате появился наш полковой врач.

Если сложить обе мои прошлые жизни, то прошло более ста тридцати лет, как я закончил службу. Поэтому как зовут нашего эскулапа, забыл напрочь. Да и не только его. Как еще Грязева вспомнил, не представляю. Хорошо, что у военных есть звание, и можно обратиться к офицеру просто, товарищ лейтенант.

– Ну, что, сержант, оклемался? – сочувственно спросил тот.

Буря эмоций, бушевавшая в мыслях с момента появления в этом мире, помешала сразу ответить на этот вопрос.

Пока собирался с духом, лейтенант, все еще разглядывая меня, констатировал:

– В общем, товарищ Красовский, хреново ты выглядишь, поэтому поступим следующим образом, сегодня отправляю в госпиталь на обследование двух салаг из весеннего призыва, заодно возьму и тебя с собой. Вижу по твоему хабитусу, что в себя ты еще не пришел. Вот в госпитале коллегиально и решим, что с тобой дальше делать, лечить, или домой отправлять.

Никто у меня согласия спрашивать не собирался и через пару часов я уже грузился вместе с двумя рядовыми в санитарный уазик. Моих возражений никто не слушал, тем более что я действительно чувствовал себя плохо. Дико болела голова, и шумело в ушах.

Въедливый лейтенант заставил нас улечься на носилки, четыре штуки которых в салоне были закреплены по стенкам.

С трудом, забравшись на верхние носилки, прикрепленные под потолком, я повернулся к стене и попытался задремать. На нижних носилках устроились двое салаг, счастливых оттого, что у них заподозрили серьезные болячки, у одного ревматизм, а у второго обострение язвы желудка, и сейчас парни вполголоса обсуждали, комиссуют ли их из армии с такими заболеваниями. Я вполне мог бы их просветить в этом вопросе, но было просто не до них.

Сейчас я лежал и думал, как поступить и чем заняться, но в мыслях возвращался к одному, неужели и эта жизнь снова приведет к закономерному финалу – очередному осознанию себя в палате медсанчасти в мае 1972 года.

Мерный рокот мотора действовал, как колыбельная, и меня начало клонить в сон. Однако поспать так и не довелось. Неожиданно машину повело в сторону. И через долю секунды мы уже кувыркались внутри кузова. Меня легко вытряхнуло из носилок, а после удара о какую-то железяку, в глазах вспыхнули искры, и больше я ничего не помнил.

Сколько прошло времени не знаю. Очнулся я в больнице. Понял это лишь по специфическому запаху, поскольку глаза закрывала марлевая повязка. Попробовал шевельнуться, и сразу правый бок прострелила острая боль. Я невольно застонал и тем самым обратил на себя внимание медицинского персонала.

– Больной, лежите спокойно, вам нельзя шевелиться, – кто-то моментально сообщил мне прямо в ухо.

Услышав скрипучий женский голос, сразу нарисовал в воображении тощую старуху с лицом бабы-яги.

– Скажите, пожалуйста, где я нахожусь, и что произошло? – прохрипел я, с трудом ворочая пересохшим языком.

– В свое время все узнаете, больной, – сообщил все тот же голос. После чего скрипнула дверь и я, похоже, остался один. Из коридора донесся взволнованный вопль.

– Борис Александрович, Красовский пришел в себя, спрашивает, где он находится!

Но в помещении, где лежала моя побитая тушка, было тихо, из чего я заключил, что соседей у меня не имеется.

В голове, тем временем немного просветлело, и я сразу принялся размышлять о своей странной судьбе. Размышления были невеселые. Похоже, мне грозит судьба фантастических персонажей, попавших во временную петлю? А триггером к её срабатыванию являлась моя смерть. Итогом полубредовых раздумий стал вывод о том, что придется мне жить еще одну жизнь, и никуда от этого не уйти. Потому, как попытки расстаться с такой жизнью раньше времени, приведут к знакомому финалу.

Погрузившись в печальные мысли, я не заметил, как заснул, не подозревая, какие страсти кипели в кабинете начальника госпиталя полковника Леонова.

Последний сейчас восседал за роскошным письменным столом, на котором под стеклом помимо графика работы персонала, лежала его старая фотография, на ней он еще лейтенантом медслужбы стоял в обнимку с другим лейтенантом, будущим министром обороны, маршалом Гречко.

Леонов устало наблюдал, как молодой полковой врач в\ч 185613 в третий раз рвет недописанный рапорт. Кроме него за тем наблюдали еще два присутствующих офицера, майор и капитан. Даже без чтения удостоверений, по их лицам можно было догадаться, к какому роду войск они относятся.

– Итак, товарищ лейтенант, отложите в сторону ваши бумажки и расскажите подробно еще раз все, что случилось 24 мая в расположении вашей части, только факты и больше ничего, – скомандовал майор. Он кинул извиняющий взгляд на начальника госпиталя и сказал:

– Лев Михайлович, могу я попросить вас оставить нас одних.

Леонов нахмурился, посмотрел на фотографию под стеклом, как на спасательный круг и, набравшись бодрости от лицезрения бывшего приятеля, министра обороны маршала Гречко, раздраженно произнес:

– Товарищ майор, скажу откровенно, вы меня достали конкретно. Второй месяц мурыжите госпиталь, персонал при виде вас во все стороны разбегается. Ну, бредил парень, говорил на каком-то языке, так вы из этого целую шпионскую эпопею раздули. Короче, я вас покидаю на час, и делаю это в последний раз. Кстати, могу вас обрадовать, парнишка сегодня пришел в себя. Думаю, еще несколько дней и можно будет его опрашивать. Лечащий врач сегодня определится точнее.

Тут полковник ухмыльнулся и добавил:

– Уверен, что пострадавший доступно объяснит вам свое знание финского, или еще какого там языка и вы, наконец, успокоитесь и займетесь более важными проблемами, чем бредовые высказывания больного, получившего тяжелую черепно-мозговую травму.

Когда я очнулся во второй раз, повязка на лице, к счастью, уже отсутствовала. Поэтому можно было без труда определить, что лежу в одноместной больничной палате и на настоящий момент, кроме меня никого в ней не наблюдается.

Осторожно повернувшись на бок, с удивлением обнаружил, что моя исхудавшая, бледная, левая рука покрыта следами множественных инъекций. Правая рука оказалась точно в таком же состоянии. А стойка капельницы стоявшая рядом с кроватью, объясняла ситуацию.

– Интересно, сколько времени я здесь нахожусь? Уж точно не день и не два. Все вены распахали медсестры, тренировались на мне что ли? – подумал я. Интуиция подсказывала, что времени с момента аварии прошло немало.

– Хорошо, хоть не видел этого издевательства над собой, уколы кривыми и тупыми иголки, и манипуляции прочим инструментарием этого времени, – подумал я.

Попытавшись сесть, со стоном откинулся назад на подушку.

– Перелом нескольких ребер справа, как минимум, основное – черепно-мозговая травма, по мелочи ушибленные раны головы и так далее, – гласил поставленный сам себе диагноз.

Оглядывая палату, обнаружил, что над раковиной на стене висело небольшое зеркальце и мне сразу захотелось глянуть, как я выгляжу после аварии.

Вторая попытка подняться оказалась более успешной. Правый бок чувствительно кольнуло, но я уже знал чего ожидать, поэтому, не обращая внимания на боль, осторожно встал и поковылял к умывальнику.

– Блин! Ну и рожа! – подумал я, увидев свое отражение. Неровный бугристый шрам начинался под правым глазом доходил до верхней губы и слегка подтягивал её вверх, так, что в неплотно закрытом рту просматривались кончики зубов. Нос был деформирован и свернут влево.

– Вылитый Бельмондо, – резюмировал я, разглядывая свое лицо. – Женщины будут штабелями падать к моим ногам. Даа, пожалуй, поездку к Людмиле придется отложить. С такой рожей у неё делать нечего.

Когда я добрался до кровати, дверь палаты открылась, и ко мне зашел врач, круглолицый, полный мужчина лет тридцати.

Он недовольно нахмурился, увидев, что я стою около своей койки.

– Больной, что вы себе позволяете? У вас постельный режим, понимаешь!

В дверном проеме за ним я увидел сидевшего на стуле, напротив двери, молодого военнослужащего в накинута халате, тот с любопытством таращился на меня.

– Интересное кино, – подумал я. – Неужели он меня охраняет? С каких это щей?

Вслух же я сообщил, что очень хотелось помочиться, и, не обнаружив утки, сделал это дело прямо в раковину.

Врач на это признание слегка поморщился, но нотаций читать не стал, подождал, пока я улягусь в кровать, после чего начал опрос для истории болезни. И вот тут я попал по полной программе. Сыпался на простейших вопросах, не помнил большую часть своих командиров и сослуживцев. Что уж говорить о членах Политбюро и правительства. Кроме Брежнева назвал всего две, или три фамилии. К моему удивлению, врач понимающе кивал головой.

– Частичная амнезия вполне вероятна после такой травмы, – пояснил он, после того как закончил со сбором анамнеза, прослушал мои легкие и проверил рефлексy. – Ну, что, герой, надо сказать, отделался ты довольно легко. Твои попутчики оказались не такими удачливыми. Один погиб, а второму пришлось ампутировать правую ногу. А вот лейтенанту и водителю повезло, бодры и веселы, как огурцы, даже царапин на них не нашлось, – Подвел военный эскулап общий итог осмотра.

– Вы, доктор, как я погляжу, неплохой психолог, умеете поднять настроение, – хмыкнул я.

– А то! – гордо ответил тот. – Я такой.

Воспользовавшись паузой, я спросил:

– Доктор, вы, когда меня на выписку планируете?

– Ну, ты парень даешь, два месяца у нас в бреду лежал, нес всякую ахинею, сегодня только в себя пришел. Короче, будем посмотреть. Кстати, завтра к тебе следователь должен придти, судя по нашему сегодняшнему разговору, ты вполне готов к его визиту.

Но я уже его не слушал.

– Япона мать, два месяца! Ни хрена я провалялся! Ну, лейтенант, ты мне и подсуропил своей консультацией. Мало того, что теперь только пластическая операция поможет человеком выглядеть, тут еще куча других проблем нарисовывается. Так, маме, наверняка сообщили, что я лежу в госпитале, а вот Люде, скорее всего никто не написал. И что она могла подумать? А то и подумала, что я приехал домой и забыл о ней навсегда.

Хм, а может это и к лучшему. Чего я к ней с такой уголовной рожей явлюсь? От меня теперь вечерами нормальные люди шарахаться будут.

Единственное, что примирило меня с новой реальностью, это был обед. За время беспмятства я изрядно оголодал, поэтому проглотил его в три секунды, несмотря на то, что суп представлял протертую теплую жижу с запахом капусты, а второе блюдо ту же капусту только немногим гуще и с крохотным кусочком мяса.

Очень хотелось добавки, но Агния Сидоровна та самая медсестра со скрипучим голосом и мегеристой внешностью сообщила, что на первый раз будет достаточно и этой порции. Хорошо хоть стакан компота принесла налитый до краев. Радовалась, наверно, что не нужно больше кормить меня с ложечки за папу и маму.

После обеда напало сонливое состояние, но надо было решать, как жить дальше. Несколько раз, намереваясь написать письмо Люде, я брал в руки, принесенную медсестрой шариковую ручку, и опускал её на тумбочку, весь в сомнениях писать, или не писать.

Было ясно одно, повторить вторую жизнь заново не получится. С самого начала все пошло не так. Июль заканчивается. И раньше середины августа меня вряд ли выпишут.

Помедлив, я снова взял ручку и начал писать письмо маме.

Следующим утром проснулся около семи часов. Сначала прошепел в туалет, Там обнаружил большое зеркало и сразу начал разглядывать свое отражение. Из зеркала на меня смотрел тощий долговязый парень. Повязки на голове уже не было и на неровно остриженном черепе были хорошо заметны бугристые шрамы, замазанные зеленкой. Шрам на лице сейчас показался еще более уродливым, чем вчера. Ну, а про нос и говорить было нечего.

– Пожалуй, на Бельмондо не тяну, моя рожа сейчас больше на Жоффрея де Пейрака, или Квазимодо похожа, но еще страшнее, вот только я не граф и Люда не Анжелика, – подумал я.

– Ну, тебя и разукрасило, парень, – сочувственно сказал зашедший в туалет, больной. – Брось, не переживай, до свадьбы заживет.

– Не знаю, не знаю, – протянул я. – Со свадьбой наверняка будут проблемы.

– Мужик должен быть немного симпатичней лошади, – наставительно сообщил собеседник. – Так, что ничего страшного не случилось, главное, чтобы язык у тебя был хорошо подвешен, ну, и аппарат, чтобы работал.

Я невесело засмеялся и отправился в свою палату и только сейчас обратил внимание, что охрана с меня не снята, за моими телодвижениями внимательно наблюдает все тот же молодой офицер.

– Чего они меня караулят? – задавался я единственным вопросом во время завтрака. Съев тарелку овсянки и запив ее жиденьким чайком с куском белого хлеба с маслом, я снова улегся в кровать.

Однако долго побыть в одиночестве не удалось. Первой ко мне зашла медсестра и положила на тумбочку пригоршню таблеток, затем на несколько минут зашел лечащий врач, потыкал фонендоскопом в грудь и, сказав, что все прекрасно, удалился.

Минут через двадцать дверь снова отворилась, и в палату зашел пожилой мужчина в военной форме, звание было не определить из-за накинутого на китель условно белого халата. Но, судя по седым вискам звание, он имел не ниже майора, а возможно и старше.

– Это еще кто такой? – интуиция тревожно взывала. – Что не врач это точно. Те так халаты не носят, однозначно.

– Здравствуйте Александр Владимирович, – поздоровался вошедший. – Я майор Гладышев Николай Валерьевич старший следователь военной прокуратуры, расследую аварию, участником которой вы являетесь и мне необходимо взять у вас показания по этому неприятному инциденту. Ваш лечащий врач сообщил, что вы в состоянии ответить на мои вопросы. Но я на всякий случай еще раз спрошу. Вы в состоянии дать показания?

– Да, конечно, – промямлил я. – Николай Валерьевич, не подскажете мне какой сегодня день, я уже в курсе, что лечусь тут два месяца, а вот точную дату у врача спросить не удосужился.

Собеседник изобразил губами легкую улыбку, хотя в его глазах не появилось и капли эмоций.

– Сегодня двадцать четвертое июля, товарищ сержант. Учитывая ваше нынешнее состояние, беседу мы затягивать не будем, приступим сразу к делу.

Первые его вопросы касались биографических данных, поэтому я отвечал на них без особых затруднений. Проблемы начались позже и с каждым заданным вопросом и моим ответом брови у следователя поднимались все выше.

– Мой лечащий врач, Борис Александрович, считает, что у меня частичная амнезия после травмы, – как бы между делом сообщил я. После этого брови Гладышева совершили обратный маневр, опустившись на свое место.

Закончив с вопросами, следователь начал интересоваться, чем я намерен заняться после выписки, и когда я уже полностью расслабился, он неожиданно спросил:

– Александр Владимирович, а какими иностранными языками вы владеете?

– Видимо в бреду ухитрился разговаривать на шведском или финском языке, – мгновенно сообразил я, откуда дует ветер.

– Ну, у меня талант к языкам, в школе учил английский, могу довольно свободно читать и говорить на нем, – ответил я. – А дома с детства с бабушкой разговаривал на финском языке, также читаю на нем и пишу. Я даже шведский язык начал изучать, хотел поступать на филологический факультет нашего университета. К сожалению, бабуля умерла в прошлом году. Так, что теперь не с кем будет практиковаться в разговоре.

Мой собеседник выглядел так, как будто ожидал услышать именно эти слова. Вроде, как и обрадовался.

После чего начал лихорадочно копаться в своих бумагах.

– Ага, вот она! – воскликнул он, вытащив какую-то газету. – Ну-ка товарищ Красовский прочитай мне, что тут написано.

И с этими словами сунул мне в руки свежий номер газеты английских коммунистов «Утренняя звезда».

– Здорово, – вслух обрадовался я. – Давно «Morning Star» не читал, со школы, пожалуй, не видел.

Изредка запинаясь, бойко перевел первую страницу. Гладышев слушал меня с непроницаемым выражением лица. Когда хотел перейти ко второй странице он выдернул газету из моих рук.

– Достаточно, на сегодня, товарищ Красовский, – улыбнулся следователь. – Беседу мы закончили. Пожалуйста, прочитайте протокол и подпишите его. Не исключено, что у меня появятся дополнительные вопросы и нам придется встретиться еще раз. Возможно, и финскую газету принесу, проверим знание финского языка.

– Все нормально товарищ майор, для меня не трудно помочь правосудию. – Ответил я, стараясь не рассмеяться. – А финскую газету мне будет еще интересней почитать, я же их не читал никогда.

– Ну и бардак в вашем ведомстве! – с удовольствием сообщил улыбающийся полковник Леонов майору Гладышеву. – Хе-хе, это же надо шпиона найти двадцатилетнего в моем госпитале, только потому, что тот по фински в бреду балакал. Не судьба была у его родителей поинтересоваться, какие языки знает их сын.

На подколку Леонова Гладышев промолчал, только пожал плечами. Не будет же он раскрывать внутреннюю кухню их службы. И то, что его непосредственный начальник полковник Жуков уже выдвинул стройную гипотезу о внедрении вражеского агента в ряды вооруженных сил Советского Союза и вся эта теория основывалась лишь на докладе одной из медсестер, сообщившей особисту госпиталя, что поступивший больной бредил на иностранном языке, похожем на финский. Сотруднику особого отдела удалось записать на магнитофон несколько бредовых высказываний. По заключению специалистов, действительно больной разговаривал на финском языке, иногда переходя на шведский и английский. Никакой полезной информации в его высказываниях не нашли. Бред ревности, такое заключение сделал компетентный переводчик.

Однако полковник Жуков посчитал весьма подозрительным тот факт, что за время службы сержант Красовский никогда не заявлял о знании трех иностранных языков. Поэтому приказал взять фигуранта в разработку. И даже установить у него пост для наблюдения. Последние полтора месяца перед тем, как придти в себя Красовский больше ничем себя не проявлял. Смотрел непонимающими глазами по сторонам и находился практически в сопорозном состоянии. Так, что две короткие магнитофонные записи оставались единственной основой для фантазий Жукова. Почему не была проведена подробная беседа с родителями сержанта, Гладышев не знал. Но сейчас он был очень доволен результатом допроса. У него в кармане появился еще один довод для того, чтобы спихнуть старого дурака, полковника Жукова на пенсию. Естественно чужими руками.

На следующий день после визита следователя меня из вип-палаты одиночки выселили и сняли пост охраны. Из травмы перевели в терапию, и теперь я лежал в большой шумной компании молодых парней. Трое из пяти были симулянтами и бойко делились друг с другом опытом, как надо дурить врачей. Больше всего меня впечатлил ленинградец Саша Васильев, регулярно глотающий крохотные кусочки карбида кальция, чтобы получить язву желудка и комиссоваться. Со мной эти ребята практически не контактировали. Видимо моя уродливая физиономия на раз отбивала желание пообщаться. Да и мне не хотелось особо с ними разговаривать. Слушать их наивные разговоры было смешно. Я был уверен, что лечащий врач видит насквозь их ухищрения, но вынужден соблюдать процедуру освидетельствования. Двое других парней, болеющих по-настоящему, уже были комиссованы и должны были через день другой уехать домой. За две недели мои соседи несколько раз менялись, но тяжелых больных к счастью в нашу палату не направляли.

Как ни странно, но следователь ко мне так и не приходил до момента выписки из стационара. Видимо, все вопросы решились без моего участия. Тринадцатого августа я вышел из здания госпиталя и пошагал в сторону автобусной остановки. В кармане гимнастерки лежало пятьдесят рублей и проездные документы.

Люде я так и не написал. Даже не знаю почему. Для себя я все же нашел объяснение, якобы не хочу портить жизнь любимой девушки, своей изуродованной физиономией. Но, наверно, имелась и другая скрытая причина, в которой не хотелось признаваться самому себе.

Уверен, Люда приняла бы меня и в таком виде, но вот не решился и все дела, не хотелось портить жизнь любимому человеку.

Волосы на голове немного подросли, а зеленку, которой медсестры от души мазали заживающие швы, удалось отмыть в душе. Но шрам и кривой приплюснутый нос никуда не делись так, что внимание граждан на улицах мне было обеспечено. Да и не только граждан, пока добирался до Московского вокзала, два раза останавливал военный патруль им, понимаешь, было интересно, откуда и куда попадает такой «красивый» солдатик. Тем более, у меня даже чемодана не имелось, и шел я налегке. После аварии тот со всеми немногими вещами и дембельским альбомом исчез в неизвестном направлении. Не исключено, что остался валяться в той канаве, куда нашу буханку выкинуло с дороги. Я особо не расстроился потерей, вернее, вообще не расстроился, тем более что капитанармус в госпитале подобрал мне слегка поношенную, бэушную пш, старого образца.

Надо сказать, отвык я от улиц, заполненных людьми. В последние годы жизни прошедшие на калифорнийском побережье я редко выбирался в большой город. А сейчас ясным солнечным днем навстречу шли сотни людей, разных, молодых старых, но в большинстве своем улыбающихся и довольных жизнью. Им до меня не было никакого дела, собственно, как и мне до них. Особенно это было заметно на эскалаторе в метро, где, спускаясь, невольно вглядываешься в лица поднимающихся наверх людей и понимаешь, что больше никогда их не увидишь.

Шагая по Невскому проспекту, периодически читал висевшие тут и там кумачовые лозунги с призывами типа «Слава КПСС» и грустью думал, что придется их снова читать еще почти двадцать лет.

На вокзале я сразу прошел к военной кассе. По проездным документам, уволенному в запас срочнику, полагался билет в общем вагоне. Но мне такой вариант совсем не улыбался. Поэтому без колебаний решил доплатить небольшую сумму и доехать до Петрозаводска в купейном вагоне.

Взяв билет, вышел на улицу так, как в зале ожидания было душно. На улице все же дул легкий ветерок и, несмотря на палящее солнце, дышалось легче. Все-таки длительное пребывание в госпитале сказалось, ноги налились непривычной тяжестью, поэтому хотелось присесть где-нибудь в теничке и отдохнуть. До прибытия состава оставалось еще три часа. Купив два пирожка с мясом и бутылку круассона, я уселся на скамейку и с удовольствием принялся за еду, выбросив на время все проблемы из головы.

– Приеду домой, отдохну неделю, а затем уж буду думать, чем заняться.

Пирожки пошли на ура. Еще бы! Последние годы жизни пришлось соблюдать строгую диету, в которую жареные в масле пирожки не входили. Не входили они и в меню госпиталя, в котором я провел последние три месяца.

Моя уродливая физиономия некоторым образом сейчас помогала оставаться в одиночестве. Вплотную ко мне никто не садился. Увидев свободное место, к скамейке устремлялись проходящие пассажиры, но, рассмотрев такого симпатичного меня, сразу теряли энтузиазм и двигались дальше. Зато очередной военный патруль меня не пропустил. Вояки прилетели на военную форму, как мухи на мед. Но, проверив документы, сразу оставили в покое.

Когда подали состав к перрону, я оказался в числе первых пассажиров. В купе, когда туда зашел, было еще пусто. Усевшись у окна, я ждал своих попутчиков, надеясь, что в соседях не появится ни детей с крикливыми мамашами, ни говорливых старушенок. Повезло. Как по заказу в купе зашли три симпатичные девушки. Понятия не имею, на сколько лет они выглядели. Для меня уже давно все женщины младше сорока казались девчонками. Они смеялись и что-то громко обсуждали, заходя в купе, но, увидев меня, резко замолчали. Наступила неловкая пауза. Усевшись напротив, девицы сдвинулись плотней друг к другу, и только искоса кидали на меня боязливые и любопытные взгляды. Так мы и просидели до отправления.

Стоило составу тронуться, как я отправился к проводнице. Взял у нее постельное бельё и, застелив верхнюю койку, забрался на нее, надеясь, что удастся уснуть.

– Товарищ солдат, – приближающийся сон нарушил робкий девичий голос. – Вы будете чай пить? Проводница спрашивает.

– Да, конечно, спасибо! – поблагодарив соседку по купе, я бодро прыгнул вниз.

После пирожков, съеденных на вокзале, пить хотелось прилично, так что чай оказался весьма кстати.

Две девушки со мной распивать чай не пожелали и вышли в коридор, в купе осталась только одна, та, что разговаривала со мной. Под её внимательным взглядом я выхлебал стакан чая и собрался снова залезть на полку.

– Скажите, пожалуйста, как вас зовут? – спросила девушка.

Вздвогнув, я обернулся, уж очень неожиданно прозвучал этот вопрос.

– Алекс Кра... тьфу! Саша меня зовут, – ответил я.

– Очень приятно, а я Лена, – сообщила в ответ девушка.

Чтобы продолжить разговор я попросил у проводницы еще два стакана чая и пачку вафель. Следующие двадцать минут мы пили чай, грызли засохшие вафли и просто болтали. Лена, оказавшая медсестрой, старалась не фиксировать взгляд на моих боевых ранениях, но периодически это не получалось и тогда она розовела от смущения.

Для меня же ситуация трагической не казалась. Конечно, если бы мне на самом деле было двадцать лет, а не сто пятьдесят, я бы действительно тяжело переживал эти травмы. Но сейчас они не являлись какой-то значимой, главной помехой в жизни. В конце концов, руки, ноги у меня целы, голова соображает, что же еще нужно?

Да к Люде я не поехал, но если верить самому себе, не поехал к ней только для того, чтобы не осложнять ей жизнь. Возможно, это была ошибка, но, к сожалению, возраст от ошибок не страхует. И поговорка «если бы старость знала, а юность могла» здесь не работает. Может, надо было попробовать зайти в ту же воду второй раз? Кто его знает? Я не знал.

И, тем не менее, поговорка, оказалось, не врет. Опыт столетней жизни не пропьешь. Разговаривать с женщинами я умел. Не прошло и получаса, как вернувшиеся соседки по купе весело смеялись над моими анекдотами, почти не обращая внимания на мои шрамы. Через час, когда мы начали укладываться по койкам, уши уловили шепот.

Одна из девушек говорила другой.

– Знаешь, Лида, у меня есть с кем сравнивать, мой братец на прошлой неделе из армии пришел, каким был дураком, таким и остался. А этот Саша, вообще уникум, у нас в группе ни одного такого эрудированного парня нет. А строят из себя неведомо кого. Жаль, не повезло ему, все лицо изуродовано. У меня даже в животе заныло, когда я на него глядела.

Мысленно усмехнувшись этим откровениям, я постарался заснуть.

Утром в вагоне начала обычная суeta перед прибытием. Девушки выгнали меня из купе, поэтому пришлось торчать в коридоре и бессмысленно пялиться на пробегающий в окне лес.

Мне выгонять соседок не пришлось, спал я практически одетый. Так, что надел гимнастерку, застегнув ремень, опытной рукой убрал назад её складки и был готов к высадке. Мне даже расческа не понадобилась, волосы были слишком коротки, чтобы их расчесывать.

Выйдя из вагона, попрощался с девчонками, поблагодарил проводницу и зашагал в сторону дома.

– Елки-палки! – в третий раз иду домой после службы в армии, – уныло размышлял я, поднимаясь по знакомой с детства горе.

– Хм, а лестницу, оказывается, еще не построили, видно память меня в мелких деталях подводит, – думал я, шагая по натопанной тропке.

Пребывание в госпитале даром не прошло, от физических нагрузок я отвык. Пока поднимался в длинный подъем, пришлось два раза останавливаться, чтобы отдышаться.

Добравшись до дома, поднялся на третий этаж и слегка волнуясь, нажал кнопку звонка. Дверь моментально распахнулась, как будто меня уже ждали.

– Ни херанто! Кого я вижу, Сашкец прикатил! Красавец! – бодро воскликнул Пашка, увидев меня. – Явился, не запылелся. Выглядишь ништяк. Хотя писал, будто ваше Квазимодой стал. Мама неделю валерианку пила, когда ей сообщили об аварии. Все собиралась ехать к тебе, едва её отговорил. А вчера узнала, что тебя выписывают, снова реланиум глотала, боится тебя искалеченным увидеть. Хм, а ты вроде и ничего смотришься, носяра только на бок сворочена.

Он вплотную подошел ко мне и, сдернув пилотку с головы, начал внимательно разглядывать шрамы.

Я засмеялся.

– Пашка, не строй из себя специалиста, ты в травмах ни хрена еще не понимаешь. После второго курса только лягушек резать научился, а туда же, советы давать будешь.

Брат на глазах скис.

– Да ладно, Сашкец, не бери в голову, это я так подбодрить тебя хотел. А чего тебе в госпитале рожу не подрихтовали? Ленинград все-таки, есть там хирургов.

Слушай, что это мы в дверях стоим?! Давай заходи, сейчас покажу и по быстрому расскажу, что, где лежит, а то мне надо срочно кое-куда смотаться, тебе еще повезло, что меня дома застал. Сидел бы у дверей до вечера.

Сашка, короче, мы ждали тебя завтра, поэтому мама потихоньку закупала продукты, хотела праздник устроить, пирогов напечь, ну, там беляши пожарить. Салат оливье забачать.

А сегодня, ты уж извини, я же не знал, что ты приедешь, поэтому суп молочный с утра сожрал, карасей тоже. Так, что можешь яичницу себе поджарить, с докторской колбасой. Вчера куплена. Ну ладно, давай переодевайся, а я погнал по делам, – сообщил Пашка, закрыв холодильник.

– Что хоть за дела? – без особого интереса спросил я.

– Приду, расскажу, – ответил брат и уже собрался выходить, как я схватил его за рукав.

– Стоять! Пашка деньги есть?

– Откуда? – возмущенно воскликнул тот, – всего полтора рубля на кармане.

– Понятно, – вздохнул я. – Держи трешку, купишь бутылку дихлофоса, сдачу можешь оставить себе.

– Ты в армии дихлофос пить научился, – заржал братец.

– Клопов будем морить, – сообщил я в ответ.

– Ты чо, охренел? Нет у нас никаких клопов, – удивленно воскликнул Пашка.

– Есть, и мы будем их сегодня травить, – я закончил разговор и толкнул брата к дверям. Тот вышел на лестничную клетку и, как конь, с грохотом помчался вниз по ступенькам.

Ну, от брата я другой встречи и не ждал, поэтому только ухмыльнулся ему вдогонку и отправился к зеркалу вновь разглядывать свою физиономию. На ней особых изменений не произошло. Разве что отросшие немного волосы уже скрыли бугристые шрам на голове.

Скинув с себя военную форму, я нашел чистые трусы и майку в гардеробе и голышом прошлепал в ванную комнату. Долго размышлять не стал, надеясь, что в ближайшие день-два схожу в баню.

Когда закончил мытье, на часах время было около половины первого. До маминого прихода оставалось еще почти пять часов.

Просто так ожидать её появления не хотелось, и я приступил к ревизии всех кухонных шкафов и холодильника.

– Надо заняться делом, пока руки будут заняты, может и полезные мысли в голову придут, – подумал я, выгребая из холодильника все содержимое.

Разложив продукты на столе, я на несколько минут задумался, что приготовить, а затем начал творить.

Сказать по правде, я боялся этого момента. Вдруг, все мои знания и способности исчезли после очередного воскрешения.

Но как показала практика, все, похоже, осталось при мне. Единственное что сдерживало мои порывы бедность продуктового набора.

К маминому приходу у меня почти все было готово. На всякий случай ничего сверхъестественного я не делал.

От пирогов пришлось отказаться. Чтобы получить хорошую опару нужно время. Поэтому остановился на пельменях, и заварных булочках. Тем более в новеньком холодильнике «Снайге» купленном этим летом после двух лет ожидания в очереди, в морозилке лежали два скромных куска мяса, свинина с бараниной, в самом холодильнике стоял полный молочный набор в виде молока, сливок, сметаны и миски с творогом.

Крутя мясной фарш, сложил все маты на тупую мясорубку, взяв на заметку, что надо срочно купить новую, как только появятся деньги.

Салат оливье получился неплохой, все же майонез сейчас делался на настоящем оливковом масле, да и в любительской колбасе сои с крахмалом еще не было.

Зато с ножами в нашем доме была настоящая беда, стоило только взять один из них в руки, сразу стало понятно, что любовника у маман не имеется, а у Пашки руки растут из жопы.

В ящике для инструмента нашел корундовый брусок и заточил пару ножей, обратив заодно внимание, что инструмента в ящике за два года моего отсутствия изрядно убыло.

Припомнил, что, когда в первой жизни вернулся из армии, то устроил брату изрядный скандал по этому поводу. Сейчас же только улыбнулся. Пропаж штангенциркуля или нескольких сверл меня сейчас нисколько не волновала. Зато вопрос, что делать и как жить дальше, не покидал мою побитую голову. И это было главным. Но, кроме того, меня одолевало нестерпимое желание послать все к чертовой матери и уехать в Вытегру. Хотя Люда уже, скорее всего, меня уже не ждет.

Около пяти часов первым вернулся домой Пашка.

– Ох, ничего себе, ты развернулся! А запахи то, какие! – вскрикнул он, зайдя на кухню, где сразу протянул шаловливые ручонки к заварным булочкам со сливочным кремом.

Пришлось стукнуть по рукам половником, чтобы не совал их, куда не надо.

– Сашка, ну что тебе жалко, я только одну штуку, возьму, ну две, не больше, – сразу заныл он. У Пашки был такой забавный вид, что я невольно рассмеялся. И поймал себя на мысли, что отношусь к нему, как большому ребенку.

– Ну, возьми, что с тобой сделаешь, – усмехнулся я, – но больше ничего не трогай. Ждем маму. Кстати, ты дихлофос купил?

– Купил, конечно, не видишь что ли? – Пашка продемонстрировал мне авоську с полуплитровой бутылкой инсектицида.

В это время входная дверь в прихожей открылась, и сразу же раздался недовольный мамин голос.

– Паша, что у тебя происходит? Почему горелым пахнет, ты опять на кухне, что-то сжег? И почему дихлофосом несет на всю квартиру?

Я вышел в коридор, как раз во время, чтобы принять из её рук тяжелую хозяйственную сумку.

– Мама, привет, ну вот я, наконец, добрался до дома, правда, без приключений не обошлось.

– Боже мой! Сашенька! Наконец то ты дома! Я так рада, так рада, что ты приехал. Ну, теперь мы все вместе заживем по-новому! – воскликнула она, обнимая меня.

Естественно делала это со слезами на глазах. Я же осторожно обнимал стройную молодую женщину. Конечно, я понимал, что увижу её такой. Но подсознательно ожидал увидеть маленькую сухонькую старушку с седой головой, оставшейся такой в моей памяти.

– Совсем себя не жалеешь, – шепнул ей, целуя в щеку. – Могла бы такие тяжелые сумки не таскать, глянть, какой лоб у тебя есть для такой работы.

– Это Пашка то? – сквозь слезы шмыгнула мама. – Я ему доверяю только картошку на рынке покупать и больше ничего. Ну, разве еще хлеб да молоко.

– Мам, не сочиняй, – оскорбился Пашка. – Только вчера меня хвалила, что я хорошее мясо купил. Полтора часа пришлось в очереди стоять.

Но мама его уже не слушала, профессиональным взглядом она оценивала мою физиономию.

– Ох, сынок, как же тебя разукрасило. Что же за коновал тебе швы накладывал? Это же ужас чистый! А с носом что натворили! Неужели хорошего челюстно-лицевого хирурга в Ленинграде не найти. Горюшко ты мое!

Она вытерла платком снова набежавшие слезы и решительно сказала.

– Через час позвоню Володе Новожилову, он уже дома должен быть, договорюсь, чтобы он тебя посмотрел. С таким лицом тебе оставаться нельзя.

Что я мог сказать на эти упреки. Кому в госпитале была охота возиться с моим лицом, когда открыто, стоял вопрос, выживу ли я, или нет? Да никому. Поэтому и заштопали кое-как, а нос не стали трогать вообще. Конечно, после того, как я пришел в себя, можно было устроить скандал по этому поводу и потребовать хотя бы выправить носовую перегородку. Но, подумав, я решил, что дома мне это сделают гораздо лучше. И именно о Новожилове я тогда и вспомнил.

– Ладно, давайте оставим на время все дела, – прервал я мамины размышления. – Я тут приготовил небольшой ужин в честь моего возвращения, так, что приглашаю всех к столу. Особенно Пашку, у него уже слюни ручьем текут.

– Текут, – согласился брат. – Ничего с собой поделать не могу, люблю пирожные.

– Саша, неужели все это ты сделал? – восхитилась мама. – Ну, зачем надо было так убиваться? Лучше бы отдохнул, как следует, в поезде наверняка не выспался.

Однако первым делом маман отправилась на кухню проверять не качество приготовленных блюд, а то, как я обошелся с газовой плитой, посудой и прочей кухонной утварью.

Естественно, недостатки были найдены и во всеуслышание озвучены.

Несправедливость обвинений была настолько ясна, что даже Пашка выступил в мою защиту.

– Мама, что ты так разошлась, Сашка посуду помыл, плиту начистил, у тебя она так никогда не блестела, успокойся, лучше попробуй, какие классные булочки получились.

– Да, действительно, чего это я разошлась, – сконфузилась маман. – Прости, Сашок, от нервов проклятых сама не своя. Сейчас я руки сполосну и поужинаем.

За ужином я благодушно принимал комплименты родственников. Мама пыталась понять, как, не блиставший кулинарными талантами сын, ухитрился приготовить такой ужин. Ну, ладно салат, там особых умений не требуется, но пельмени, которые до армии мне доверяли лишь защипывать, получились на вкус великолепными.

– Классно, пожрали, – сообщил Пашка, схватив последнюю булочку с кремом. – Так бы каждый день питаться.

– Так не получится, – вздохнула мама. – Двух таких проглотов мне не прокормить. А вас еще одевать и обувать надо.

Она обвела нас строгим взглядом.

– Саша, в ближайшие дни нам надо решить вопрос с лечением твоих травм и не спорь со мной! – воскликнула она, увидев, что я хочу что-то сказать.

– Это займет некоторое время, за которое ты должен решить, куда пойдешь работать. Экзамены в университете ты благополучно провел в госпитале, так что с учебой придется повременить до следующего года. Со своей стороны могу сказать, что нашла тебе неплохую работу, медрегистратором у нас в поликлинике.

Я усмехнулся.

– Мам, а что ты о заводе не вспомнила. Меня ведь оттуда в армию призвали.

– Я думаю, тебе не нужно связывать свою жизнь с работой на заводе, – кисло ответила та. – Если будешь работать медрегистратором, можешь рассчитывать на большую благосклонность приемной комиссии. И зря смеёшься. Работа очень неплохая. Твоя задача будет состоять в занесении результатов анализов нашей лаборатории в регистрационные журналы. Будешь приходить вечером, как запишешь все данные, можешь идти домой. Работы там, на два-три часа. А получать будешь полставки.

– Ну, и сколько там набежит на половину ставки? – ухмыльнувшись, спросил я.

– Пятьдесят рублей наверно выйдет, – неуверенно сообщила маман. – Завтра узнаю точнее у бухгалтера. Ну, да немного, конечно, но, по крайней мере, на еду заработаешь, и кое-что можно будет купить из одежды. Зато ты сможешь поступить на подготовительные курсы и освежить школьные знания. Все-таки пятый год пойдет, как школу окончил.

– Хорошо, мама, подумая над твоим предложением, но пока ни на что не соглашаюсь, – уже серьезно, без ухмылок, ответил я.

Все понятно, маман, как всегда, видела меня студентом медицинского факультета. Она же не подозревала, что у сына начинается третья жизнь и, что прожил он на сегодняшний день почти сто пятьдесят лет.

Учиться совсем не хотелось. В принципе с тех пор, как пришел в себя в госпитале после аварии, я продумывал план, как получить высшее образование, просто купив диплом. Останавливало несколько факторов и, самым основным на данный момент являлось то, что денег на покупку диплома у меня нет. Остальные факторы были уже не так важны, хотя я до сих пор так и не решил чем заниматься в этой жизни.

– Ладно, дамы и господа, – сказал я, выходя из-за стола. – Мама ты можешь отдыхать, посуду Пашка помое, а я займусь подготовкой к изгнанию клопов.

– Интересно, только сейчас заметила, как за время службы кардинально поменялся твой образ мыслей, – задумчиво изрекла мама. – Хотя по твоим письмам я бы об этом никогда не догадалась. Сынок, я тебя просто не узнаю, ты даже говорить начал, как твой папаша, чтоб его черти взяли. Значит, разрешаешь мне отдыхать?

– Отдыхай, – царственным жестом я указал ей на диван и включил телевизор «Рекорд». – Тебе первую, или вторую программу включить?

– Первую, – сообщила маман, с явным удовольствием забираясь на диван. – Но вы не расслабляйтесь, я за вами слежу. Да и телефон мне принеси, пожалуйста, надо все-таки Новожилову звякнуть, чтобы тебя посмотрел.

– Провод то телефонный, когда успели поменять на длинный? – спросил я, забирая телефон из прихожей.

– Брату скажи спасибо, это он постарался, чтобы мать не слышала, о чем он в прихожей со своими вертихвостками болтает.

– Понятно, – протянул я и отправился в нашу комнату, отодвигать мебель от стен. Через час в квартире дышать было нечем, пришлось открывать все окна. Так, оставив открытыми окнами, мы и улеглись по кроватям.

Видимо, травля живности прошла успешно, потому, что ночью я спал, как убитый. Никакие клопы меня не тревожили.

Утренний сон нарушила маман. Она заглянула в комнату и сообщила:

– Саша, к двум часам подойдешь в поликлинику онкодиспансера. Владимир Николаевич будет ждать в ординаторской. Только не опаздывай, я за тебя поручилась. Обед я не варила, доедайте пельмени, вам на двоих хватит, а вечером я что-нибудь сделаю. Будешь возвращаться, не забудь, зайди в гастроном, деньги и записка, что купить, лежат на столе.

Когда за мамой закрылась дверь, я приподнялся на локте и глянул на Пашку, тот по-прежнему спал, счастливый, наша беседа его не разбудила.

Я тяжело вздохнул и заставил себя встать. Босиком прошел на кухню. На часах время было около восьми утра.

Приготовив нехитрый завтрак, я разбудил брата.

Мы дружно опустошили большую сковородку с омлетом. После этого Павел приступил к поиску плавок.

– Сашкец, понимаешь, я с одной девицей договорился на речку сходить позагорать, благо пока погода подходящая. На улице сегодня тридцатник обещали. – говорил он, роясь в гардеробе.

– Давай, ни пуха тебе ни пера, – флегматично пожелал я. – Будь аккуратней, детей не надейся.

На эти слова Пашка скривился, как будто ему в рот попал лимон.

– С ней наделаешь, как же! – сообщил он.

– Ну, тогда иди загорать с другой, – хмыкнул я.

Братец на мои слова не отреагировал.

– Будь здоров, – крикнул он, хлопнул дверью и загрохотал по лестнице.

– Я же, не торопясь, вымыл посуду, протер пол на кухне и снова улегся в постель.

Мысли меня обуревали невеселые, как-то не мог я переключиться на мажорный лад. И, тем не менее, я опять заснул.

К счастью, желудок меня разбудил около двенадцати часов. Сварив два десятка пельменей, Пашку я ждать, не стал, пообедал без него, и начал собираться к врачу. Чуть не забыл взять с собой деньги и записку, лежащие на столе в маминной комнате.

В открытое с ночи окно уже пыхало жаром, поэтому оделся я легко в рубашку – безрукавку и Пашкины брюки, которые он носил в десятом классе. Мои на меня не налезли.

До онкодиспансера дошел минут за двадцать, до двух часов оставалось совсем немного. В здание прошел без проблем. Никому не было дела до меня. Здесь вам не свободная демократическая Россия с миллионами охранников, это тоталитарный Советский Союз, где охрана имеется только на режимных предприятиях.

Заглянув в хирургическую ординаторскую, Новожилова там не обнаружил. Поэтому уселся в коридоре и начал читать газету «Комсомолец», купленную по пути.

– Саша, это ты? – вдруг услышал я знакомый голос.

Подняв глаза, я увидел, что на меня смотрит Светка Алешина, подружка Люды во время учебы в медучилище. С того времени она еще больше расплылась и сейчас эта полнота казалась уже нездоровой.

– Привет Света, давно не виделись, как жизнь? – выдавил я из себя, удивляясь неожиданной встрече.

– Нормальная у меня жизнь, работаю здесь в приемном покое, – ответила Светка, внимательно разглядывая мое лицо. – Саша, что с тобой произошло, тебя в армии ранило? Ты из-за этого перестал Люде писать?

– Ну, в общем да, из-за этого.

– Как тебе не стыдно! Знаешь, как Люда переживает, плачет. Не знает, что с тобой случилось. Ты должен ей сегодня же написать, объяснить свое молчание.

– Света, послушай, видишь какое у меня лицо. Я два месяца вообще без сознания лежал. Зачем я буду навязываться девушке. Найдет она себе нормального парня, будет жить, и радоваться жизни.

– Почему вы мужчины, всегда думаете за нас, – возмутилась Света. – Откуда ты знаешь, что Люда думает, и как она поступит. Никого она не ищет. Кстати, ты ведь здесь не так просто сидишь, наверно ждешь Владимира Николаевича? Надеешься, что он тебе лицо восстановит?

– Надеюсь, – согласился я.

– Ну, вот, видишь, надежда есть всегда. Так, что сегодня же напиши ей, что с тобой случилось, Новожилов хирург от бога, знаешь, скольким людям он помог. И у тебя будет все хорошо.

Нашу беседу прервало появление хирурга.

Увидев меня, он спросил.

– Давно ждешь?

– Немного, минут десять, – ответил я.

– Ну, давай проходи в кабинет, с девушкой потом поговоришь.

Глянув на Свету, я развел руками, мол, извини, видишь сама, мне нужно идти.

Та, насупившись, кивнула головой и зашагала по своим делам.

Я же прошел за врачом в ординаторскую и послушно уселся у его стола.

– Ну, что же, будем работать, – сообщил мне Новожилов после того, как тщательно осмотрел мои травмы. – С госпитализацией в наш стационар будут проблемы, но я постараюсь их уладить. Думаю, наш главный врач пойдет навстречу твоей маме.

Мы поговорили некоторое время, Владимир Николаевич был несколько удивлен моими специфическими вопросами и медицинскими терминами, но отнес это за счет жизни в семье медика. Я же смотрел на молодого талантливого парня и вспоминал, как в первой жизни мы с ним пили водку в ординаторской на Новый 1990 год, и как он увлеченно рассказывал, что с этого времени будет заниматься только пластической хирургией. Но всего через два года умрет от рака легкого.

Хотя до этого времени надо прожить еще двадцать лет.

Попрощавшись, я вышел из кабинета и нос к носу столкнулся со Светкой. Судя по её нахмуренному виду, она собиралась продолжить наш разговор.

– Саша, не убегай, пожалуйста, давай поговорим, как взрослые люди. Я считаю, что поступаешь нечестно, малодушно, ты должен был написать Люде всю правду, чтобы она знала, что ты попал в аварию и получил тяжелую травму головы.

Я тяжело вздохнул.

– Света, понимаешь, у меня немного другие мотивы, постараюсь объяснить.

Сейчас Люда ничего обо мне не знает. Я понимаю, что она переживает, ей тяжело. Но пройдет время, оно лечит все раны, она забудет обо мне, найдет другого парня. Зная Люду, не сомневаюсь, что она не откажется от меня, но мы же живем не в вакууме, у нас у всех есть друзья родственники. Представляешь, что они будут говорить, увидев меня. Я не желаю ставить любимую девушку перед таким выбором. Пусть она живет себе спокойно. Надеюсь, ты ничего ей не напишешь?

– А если после операции ты на человека станешь, похож, что тогда? Ты не захочешь, и тогда встретиться с Людой? В общем, я все ей напишу, думаю, что она сразу приедет, и разбирайтесь между собой сами, а то один не пишет, не хочет жизнь девушке осложнять, вторая в Вытегре женихов отшивает, все ждет своего ненаглядного.

Я усмехнулся.

– Вот видишь, сама заметила, что я сейчас на человека не похож. Вот так Люде её мама и скажет. Думаешь, это будет приятно слышать?

– Ох, – вздохнула Светка. – Да у тебя тараканов в голове полно, рассуждаешь, как старикашка какой-то. В общем, письмо я сегодня же напишу, так, что в следующие выходные будь готов принимать гостей.

– Смотри-ка, решительно Светка взялась за дело, прямо спит и видит, как нас соединить, – думал я, возвращаясь, домой. – Интересно, что из этого получится?

Но ничего хорошего Светкины старания не принесли. Когда, я через неделю явился в больницу на первую операцию, в приемном покое девушка подошла ко мне со смущенным видом и протянула тетрадный листок.

На том крупными неровными буквами, кое-где явно расплывшимися от слез, было написано:

Саша, если можешь, прости меня. Я долго ждала весточку от тебя, но, так и не дождавшись, неделю назад вышла замуж. Когда получила Светино письмо, чувствовала себя ужасно. Мне в голову не могло придти, что ты два месяца лежал в коме. Я бы все отдала, чтобы вернуть назад наши отношения. Но я уже замужем и ничего тут не поделаешь.

– Аккуратно сложив листок, я сунул его в карман.

– Спасибо, Света, не переживай, ты сделала, что могла, – сказал я девушке, смотревшей на меня заплаканными глазами.

– Саш, ты только не переживай, у тебя все наладится, вот увидишь, – начала она меня утешать.

– Но я другому отдана и буду я ему верна, – продекламировал я в ответ. – Света не переживай за меня, видишь, как все устроилось.

– Ты не понимаешь, – перебила меня девушка. – Это какая-то странная свадьба, представляешь, Люда даже меня не пригласила, и в последнем письме и речи не было о том, что она замуж собирается.

– Значит, нашелся такой кавалер, что быстро уговорил, – сообщил я. – Лучше расскажи, как тебя дела.

– А что рассказывать, я уже два года, как замужем, помнишь Гришку Хворостова, вы же иногда встречались у нас в комнате, в общежитии.

И хотя Гришку Хворостова я в упор не помнил, на всякий случай согласно кивнул головой.

– У нас сынишка растет, такой забавный карапуз. Кстати, мы его Сашей назвали.

Света достала из кармана небольшое фото и дала его мне.

– Действительно, симпатичный мальчишка, – согласился я.

На такой мажорной ноте мы и расстались, я потопал в хирургическое отделение, Света осталась принимать больных, с нетерпением ожидавших своей очереди.

Палата оказалась шестиместная и все койки в ней кроме ожидавшей меня, были заняты.

Мое появление особого оживления не вызвало. Только тощий дедок, лежащий в углу у окна, пробормотал себе под нос, что даже молодые не могут уберечься от рака.

Естественно, я не стал ему объяснять, что попал сюда по блату, и никакого рака у меня нет. Все равно через день два, все и так узнают, для чего я здесь нахожусь.

За прошедшую неделю ничего особенного не произошло. Я встал на учет в райвоенкомате, получил паспорт, заново прописался в квартире, Пашка готовился к поездке в совхоз, второго сентября его курс уезжал на месяц собирать картошку. Ну, а я в основном сидел дома и размышлял о своей жизни. Ждал, что вот-вот ко мне в гости пожелают Люда со Светой. Хотя маман на всякий случай в возможность такого события не посвящал.

И странное дело, горестные переживания начали понемногу покидать мою голову.

– Ну, ладно, судьбой тебе дана еще одна жизнь. Так чего печалиться? Надо пользоваться своими знаниями и постараться прожить её не хуже, чем прошедшие, – думал я.

Иногда, правда, мне становилось не по себе, когда появлялись мысли, что все это не случайно и та сущность, переместившая мое сознание в прошлое, ждет от меня каких-то действий. Вот только каких, я не знал.

В тех фантастических книгах, которые я читал, попавшие в прошлое герои книг, стремились изменить его различными путями, чаще всего абсолютно нереальными. Может мне тоже

следует присоединиться к этой плеяде неудачников? Возможно, сейчас на Земле сейчас таких, как я не один десяток. Но, как об этом узнаешь, все, наверняка, шифруются, так же, как и я.

По крайней мере, все отличия моей второй жизни от первой касались только меня и моих родных, ну еще работавших рядом со мной людей, хотя я мог и не заметить таких изменений, все же память у меня эйдетической не была.

Вот и сейчас, я улегся на койку в палате и попытался составить очередной план, как жить дальше. Но сегодня мысли перебивались тревогой. Я боялся операции, боялся, что снова проснусь после неё в армейском лазарете.

Но оперироваться придется. Жить дальше с таким лицом я не желал.

Новожилов появился только после обеда. Еще раз осмотрел меня и показал рисунок, каким мой нос должен стать после операции. Рисунок мне понравился, ну а уж, что получится, будем посмотреть.

– Ну, что, Санек, анализы у тебя прекрасные, так, что завтра с утра берем тебя на операцию, – сообщил он после осмотра.

Остаток дня прошел в болтовне с соседями по палате и чтением журналов. Вечером в палату зашла дежурная сестра и скомандовала:

– Красовский, бери полотенце и шагай в санитарную комнату на клизму.

Говорливый дед, Евгений Матвеевич, выведавший за день всю мою подноготную, и тут не обошелся без подколки.

– Ты ему сестричка, клизму побольше влей, на всякий случай. Чтобы надежней было. А то обделается еще, когда нос резать будут.

Остальные соседи дружно подхихикивали ему с коек.

К клизме я отнесся философски, надо, так надо, куда денешься от этой процедуры.

В восемь утра меня, кольнув промедолом с атропином, покатали в операционную.

– Хм, интересно, а если я опять кони двину, то воскресну, или нет, а если воскресну, то лицо у меня будет нормальное? – думал я, слегка кайфуя от наркотика.

В операционной меня уже ожидали два хирурга. Лор Паша Павилайнен горой возвышался над невысоким Владимиром Новожиловым.

Кроме них и операционной сестры у наркозного аппарата возился анестезиолог.

– Вы меня под общим наркозом планируете оперировать? – удивленно спросил я.

Владимир Николаевич усмехнулся.

– Твоя мама очень просила, скажи ей спасибо.

Меня переложили на операционный стол, анестезиолог сделал укол и наложил маску, Через минуту я уже отключился.

Сколько времени прошло не знаю, пришел в себя от неприятного распирания в горле, Через несколько секунд дошло, что причиной является интубационная трубка, введенная в трахею. При попытке выдернуть её понял, что руки привязаны к столу. Издать какие либо звуки тоже не смог, А когда начал интенсивно мотать головой, появились боли в области носа.

Зато, когда трубку сняли, по телу разлилась приятная истома, и я снова провалился в сон.

Когда меня привезли в палату, эффект от наркоза еще не прошел. Поэтому с полчаса я нес всякую чушь, пока нам не принесли полдник.

Для меня ничем хорошим полдник не закончился. Буфетчица, не подумав, поставила его на прикроватную тумбочку. После чего я уронил стакан с яблочным соком на себя, а булочку раскрошил по пододеяльнику и только глупо улыбался, слушая выговор санитарки.

А еще через час пришла боль. Забинтованный нос начало дергать не по-детски. Кое-как скрючившись на кровати, я постарался задремать.

Вечером к ужину я так и не встал. А на предложение медсестры сделать обезболивающий укол на ночь, только кивнул головой.

Ночь показалась вечной, из-за того, что нельзя было дышать носом, я постоянно просыпался и потом снова пытался уснуть.

К утру боль стихла до терпимой. Поэтому приглашение на завтрак я не пропустил.

Днем меня пригласили на перевязку, где Новожилов сообщил, что пока все идет, как надо. Любоваться на себя в зеркало я не стал, прекрасно понимая, что на фоне отека и гематом моя рожа стала еще страшней, чем была. Для оценки эффекта операции нужно подождать несколько дней.

Как ни странно, но послеоперационный период проходил без осложнений. Через неделю я был выписан из больницы, с легкой пластырной наклейкой на носу. И хотя форму носа я еще не мог полностью оценить, но то, что дышать я мог теперь свободно, а из голоса исчезла легкая гнусавость, дорогого стоили.

Дома было непривычно тихо. Пашка уже уехал в совхоз. Мама с утра до вечера пропадала на работе. Я же страдал от безделья, поэтому хватался за любую возможность поработать. Мама была только рада, что я взял на себя готовку, и занималась только снабжением. Заодно она перепоручила мне стирку белья.

Боже мой! Я ведь забыл о существовании стиральной машины, в которую нужно заливать горячую воду, закидывать туда замоченное с вечера бельё, а потом отжимать его, прокручивая через резиновые валки. Маман требовала от меня, чтобы я после этого полоскал белье в ванне. Я же делал это в стиральной машине, просто меняя воду. И удивлялся, как это в первой жизни не догадался о таком способе.

Немного придя в себя, начал бегать по утрам, постепенно усиливая нагрузку, надо было приводить организм в порядок, Зарядка пошла на пользу и понемногу я начинал чувствовать себя лучше.

Здорово беспокоило безденежье. Чувствовать себя нахлебником, сидящим у матери на шее было до жути неприятно. Особенно, когда много лет не думал о деньгах вообще.

Вот так, озабоченный подобными мыслями, я прогуливался около дома, когда заметил знакомую личность.

Навстречу мне быстрым шагом шел Коля Воронин, мой бывший одноклассник. И я догадывался, куда он так спешит. На другой стороне дороги за забором находился Дом Радио, и Колька там работал диктором молодежного канала.

– Коля, – привет, воскликнул я, шагая навстречу высокому черноволосому парню, полностью оправдывающему внешностью свою фамилию.

– Привет, – эхом отозвался тот, внимательно глядя на меня. – Сашка, это ты, что ли? Сколько лет, сколько зим. Что у тебя с лицом случилось?

– Вражеская пуля, – криво усмехнувшись, ответил я. – Сейчас еще неплохо выгляжу, видел бы ты каким я из армии пришел.

Мы поговорили еще минут пять, и Коля заторопился на работу.

– Я через два часа освобожусь, и зайду к тебе! – крикнул он, заходя в проходную.

Я же отправился домой. У меня сегодня на ужин планировались суши из лосося, так, что вопрос, чем угостить нежданного гостя остро не стоял. Тем более что гость понятия не имеет, как готовится суши и не удивится, что в нем не будет присутствовать нори.

Так и случилось, попробовав якобы японское блюдо, Коля первым делом спросил.

– Саша, ты, где раздобыл лосося?

Я пожал плечами.

– Нет ничего сложного, надо встать рано утром и поехать к рыбакам. Деньги брать не обязательно. Озябшим и продрогшим мужикам требуется другая валюта – огненная вода, которую начнут продавать только с одиннадцати часов, а им она нужна сейчас.

Колька поморщился.

– Не, я на такие подвиги не способен. Обойдусь без красной рыбы.

Мы слопали тарелку суши, выпили по бутылке жигулевского пива, вспоминая забавные случаи из школьной жизни. Вот уж что держалось в моей памяти, так это события школьных лет.

– Саш, а помнишь, как мы Матильду Тикке разыграли? – неожиданно спросил одноклассник.

– Помню, конечно, – признался я. – Знаешь, мы все же свиньи были изрядные, сейчас я бы никогда такого не сделал. Написать девчонке записку неизвестно от кого с просьбой о встрече, а потом проходить мимо неё и интересоваться, кого это ты Матильда ждешь у кинотеатра?

Кстати, как она поживает?

– Вроде бы вышла замуж за какого-то эстонца и уехала в Таллин. Ей там легко жить, она на финском языке говорит не хуже, чем по-русски. Ха, я же помню, что вы с ней на уроках по-фински болтали, чтобы вас никто не понимал. Сам то еще финский не забыл? – оживился Воронин.

– А ты, с какой целью интересуешься? – спросил я.

– Понимаешь, у нас проблема, девушка, которая финскую программу вела, вышла замуж и, скорее всего, к нам она больше не вернется. Так, что редактор озабочен поисками, диктора. Не знаю, как у тебя с произношением, но с голосом порядок, диктор из тебя получится, поверь моему опыту, все же я с восьмого класса на радио работаю, уже шесть лет. Не хочешь пробу пройти? Если согласен, я завтра за тобой зайду.

– А зарплата, там какая?

Услышав вопрос, Коля сбавил напор.

– Ну, зарплата не очень высокая, но мне, например, хватает.

– А что я теряю? – мысленно задал я сам себе вопрос. – Да ничего.

И уже вслух сказал:

– Согласен, во сколько надо быть готовым?

– Мам, представляешь, сегодня Кольку Воронина встретил, он меня с трудом узнал, – сообщил я маме во время ужина.

– Не удивительно, – вздохнула та. – Странно, что он вообще узнал тебя. Как он кстати поживает? Не женился еще? Я ведь его с вашего школьного вечера не видела. Только слышу его голос по радио, правда, нечасто, я больше Маяк слушаю.

– Возможно, и мой голос скоро услышишь, – засмеялся я.

– Это как? Что вы там с ним надумали?

– Все просто, завтра он ведет меня на пробу. В редакции «Новости Карелии на финском языке» требуется диктор, так, что попытаю счастья.

– Саша, ты с ума сошел. Какой из тебя диктор? Ты, кроме, как с бабушкой на финском языке ни с кем больше не разговаривал. У тебя ни хорошего знания языка, ни произношения нет. Зачем тебе это надо? Оpozориться перед людьми хочешь?

– Да, ладно, мама. Попытка, как говорил товарищ Берия, не пытка. Возьмут, так возьмут. А не возьмут, плакать не буду.

– Ну, как знаешь, сын, – снова вздохнула мама. – Ты теперь у нас взрослый армию отслужил, ума палату нажил. Советчики тебе не нужны. Иди, посмотрим, что из этого выйдет.

– Понятно, – мысленно усмехнулся я. – Не верит мамочка в способности сына. Собственно, правильно и не верит. Не вышел бы из меня диктор в первой жизни. Плохо я тогда говорил по-фински. Это сейчас я спокойно разговариваю на четырех языках, и вряд ли кто на пробе лучше меня сможет прочитать текст и просто поговорить. Другое дело, получится ли у меня быть диктором. Колька хоть и мнит о себе, что он великий специалист в этом деле, но его слово там ничего не значит. Решать будут другие люди.

– Саша, если не хочешь работать у меня в поликлинике, может, ты в столовую пойдешь работать до следующего лета, я ведь вижу, тебе нравится готовить и получается у тебя здорово. Честно скажу, я теперь домой иду и думаю, какая вкуснятина ждет меня на ужин, – робко заметила мама, прервав мои размышления. – У меня хорошая знакомая зав производством в столовой работает, попрошу её взять тебя на работу учеником повара.

Теперь я засмеялся уже вслух, вспомнив, сколько слышал упреков, когда собрался поступать в торгово-кулинарное училище. А сейчас маман сама меня отправляет работать поваренком, только чтобы я в дикторы не пошел. Неужели переживает, что меня там не примут?

– Хорошо, мама обдумаем и этот вариант, только сначала схожу на пробу, а там видно будет, – завершил я нашу беседу за столом.

Колька поленился подниматься на третий этаж и позвонил мне по телефону в одиннадцать часов.

– Саша, привет, надеюсь, ты уже не спишь? Давай собирайся, я тебе звоню из проходной. Я мигом собрался и вышел на улицу. Воронин уже нетерпеливо прохаживался у ворот.

– Что так долго? – напустился он на меня.

– Ну, если пять минут долго, то тогда не знаю, что такое быстро, – ответил я, демонстративно глянув на часы.

– Ладно, нечего ласы точить, мне через двадцать минут на запись. – сказал Колька и направился к двери.

Вахтер, сидевший за стеклом, даже не повернул головы в нашу сторону.

По аллее засаженной молодыми елочками, мы направились к Дому Радио.

Через пятьдесят лет эти елочки превратятся в высокие мохнатые ели, такими оставшиеся в моей памяти.

В здании мы поднялись на второй этаж прошли по узкому коридору и, наконец, зашли в кабинет, на двери которого висела табличка с надписью на финском языке «Новости Карелии».

Симпатичная моложавая женщина, сидевшая за столом, встретила нас улыбкой.

– Коля, добрый день, кого ты нас сегодня привел? – спросила она.

– Хельми, здравствуй, как и обещал, привел своего бывшего одноклассника, Сашу Красовского, он у нас вроде бы почти финн, по крайней мере, по-фински разговаривает. Так, что оставляю вас вдвоем, общайтесь.

– А ты Саша, не тушуйся, – обратился он ко мне. – Будь проще. Хельми Пятеляйнен у нас женщина строгая, но справедливая.

Когда Воронин вышел. Хельми Пятеляйнен улыбаться перестала.

– Александр, давайте поговорим, расскажите немного о себе, – сказала она уже на финском языке.

– Да, не повезло тебе с окончанием военной службы, – сочувственно произнесла собеседница, выслушав мой короткий рассказ. – А чем закончилась медкомиссия при выписке?

– Известно чем, – вздохнул я. – Признан негодным к службе в строевых частях, ограниченно годен к нестроевой службе. Правда, в военкомате сказали, что через год могут снова вызвать на медкомиссию.

– Понятно, знаешь, Саша, ты неожиданно хорошо владеешь языком. Когда твой одноклассник попросил тебя посмотреть, согласилась только, чтобы его не обидеть. Но сейчас приятно удивилась. За коренного финна ты, конечно, не сойдешь, но по сравнению с девочками пятикурсницами с финно-угорского факультета, которых мы прослушивали, просто небо и земля.

Жаль, что у тебя такие проблемы с лицом. Сам понимаешь, диктором на телевиденье тебе не работать. Сейчас пройдем в студию. Прочитаешь там текст на пробу. Потом прослушаем запись.

Когда мы уже собрались уходить, в кабинет зашел высокий плечистый мужчина. Естественно, я его сразу узнал. Это был диктор карельского радио и телевидения, Энсио Венто.

– Хельми, – начал он возмущенно говорить с порога. – Мне надоело работать за всех, не хватает времени ни на что. А у меня, кстати, репетиции в ансамбле. Чем вы все тут занимаетесь? Таня Коскела уже две недели, как ушла, а вы никаких мер не принимаете.

Я с удивлением разглядывал грузного финна, слушая его по радио и телевизору, никогда бы не подумал, что этот невозмутимый и мало эмоциональный человек, может так волноваться.

– Энсио, успокойся, мы делаем все возможное, чтобы найти тебе коллегу. Но сам знаешь, это не так легко сделать.

Кстати, познакомься, вот один из кандидатов на это место, Александр Красовский.

Венто окинул меня нечитаемым взглядом и мрачно спросил:

– Парень, ты хоть понимаешь, что я тебе говорю?

– Понимаю, – кивнул я. – Хотите анекдот расскажу.

Увидев, что собеседники ничего против не имеют, начал рассказывать.

– Три северных карела собирались на рыбалку, но один из них заболел. Пришлось взять молодого Пекку. Гребут они веслами час, потом два, все молчат. Вдруг Пекка не выдерживает и спрашивает: «Долго еще плыть?».

Один из старших говорит, «Долго». Еще через час Пекка опять спросил:

«Когда же приплывем?» Другой карел отвечает: «Скоро». Опять молчат.

Съездили они на рыбалку, проверили сети, приехали домой. А там один карел говорит другому: «Пекку на рыбалку брать не будем, слишком много говорит».

Хельми с Энсио дружно засмеялись и посмотрели друг на друга.

Венто хлопнул меня по плечу.

– Эх, хорошо, парень рассказываешь, давно я от нашей молодежи такой чистой речи не слышал. Жаль, что из-за лица тебя не получится на телевиденье взять. Иногда мне просто не разорваться, надо на гастроли ехать, а замены нет.

– Слишком много говоришь, Энсио, – улыбаясь, сказала Хельми. Мы засмеялись и втроем пошли в студию.

В тесной студийной комнате Венто широким жестом пригласил меня сесть за его стол перед микрофонами. На столе уже лежал список новостей.

– Мы внимательно слушаем, – сообщила Пятеляйнен и кивнула звукооператору, сидевшему за стеклом в соседнем кабинете.

Тот нажал кнопку, и массивные диски с магнитофонной пленкой пришли в движение.

Я подвинул ближе список новостей с визой руководителя и начал их читать, стараясь говорить, как можно внятней и внушительней.

– Добрый день, товарищи, в эфире новости республики Карелии на финском языке.

В Карелию пришла осень. Для тружеников полей наступил ответственный момент, все силы брошены на уборку урожая. После заготовки сена все внимание уделено силосованию травы и уборке картофеля. На первом месте по закладке силоса находится совхоз имени Зайцева. Совхозные механизаторы, взяв повышенные социалистические обязательства, работают с огоньком.

Так герой Социалистического труда механизатор Игорь Васильевич Ильин из совхоза Толвуйский перевыполнил свои обязательства на сорок процентов. Члены его бригады не отстают от передовика и также перевыполняют принятые планы.

Не отстают от тружеников села и лесозаготовители. Они активно готовятся к зимнему сезону. В этом году Шуйско-Виданский леспромхоз впервые отказался от молевого сплава леса, что сразу сказалось на состоянии наших рек и озер.

Петрозаводский хлебокомбинат освоил выпуск новой продукции. В частности его рога-лики не задерживаются на прилавках и мгновенно раскупаются.

Онежский тракторный завод в честь прошедшего в прошлом году 24 съезда Коммунистической партии Советского Союза выпустил двадцать тракторов сверх плана. Эти машины уже с нетерпением ожидают в районах республики и в других лесных регионах нашей необъятной Родины.

Интенсивно застраиваются новые микрорайоны столицы Карелии. Вчера строители сдали еще две пятиэтажки на Октябрьском проспекте. Сто двадцать семей рабочих, строителей, музыкантов, учителей получают в них благоустроенные квартиры.

Мирное строительство социализма в нашей стране не дает покоя Американской военщине. Американский империализм и агрессивный блок НАТО угрожают миру во всем мире. Однако коммунисты Вьетнама доказали преимущество социалистического строя и громят войска проамериканской клики Нгуен Ван Тху по всем фронтам.

Советские хоккеисты выиграли очередной матч в серии Канада-СССР со счетом 3–5.

В национальном финском театре открылся новый сезон, под руководством режиссера Тойво Хайме вновь поставлен спектакль «Куллерво». В спектакле активно поднимаются вопросы с социально-политическим подтекстом, очеловечиваются герои Калевалы, становятся ближе не только взыскательному зрителю, но и всему советскому народу.

– Неплохо, – одним словом прокомментировала мою работу Хельми Пятеляйнен. – Сейчас прослушаем еще раз уже в записи.

Она махнула рукой оператору, тот понятиливо кивнул и снова включил магнитофон.

Голос, раздавшийся из динамика, показался отвратительным, и хотя я знал о таком эффекте, это оказалось для меня неприятным сюрпризом.

Пятеляйнен и Венто, наоборот, судя по их лицам, остались довольны услышанным.

– Александр Владимирович, пробу вы прошли успешно, – сказала женщина, – Но окончательного решения о приеме на работу я принять не могу. Для этого нужно решение руководства.

Пятеляйнен при этих словах глянула на потолок.

– Наверху, конечно, примут во внимание мое мнение, но решаться этот вопрос будет там. А сейчас пройдем в мой кабинет, напишете коротенько автобиографию и оставите мне ваши паспортные данные и координаты.

После того, как я написал свою автобиографию, уместившуюся на половинке тетрадного листа, и записал адрес и номер домашнего телефона, меня отпустили, сказав, что о решении руководства я буду извещен в ближайшее время.

Домой я шел в некотором раздрае. С одной стороны пробы я прошел, с другой стороны ничего еще не ясно, примут меня на работу, или нет. Так, что надо думать, о запасном варианте.

Кроме того, мне в конце сентября нужно будет лечь еще на одну операцию. Она, конечно, не будет такой сложной, как на носу, но повозиться со шрамом придется.

Как-то все неудачно складывается моя судьба в этой жизни. Не то, что в прошлой. Там все в руки почти само собой падало, оставалось только подбирать.

Визит в Дом Радио много времени не занял, так, что зашел я домой как раз к обеду.

После еды настроение несколько улучшилось, и я решил, наконец, избавиться от наклейки на носу.

Ну что же, результат операции меня вполне удовлетворил, отек уже полностью исчез, гематомы рассосались, сохранялся лишь слегка желтоватый оттенок кожи, а послеоперационные швы были практически незаметны.

– Да, мужики, постарались, – решил я, разглядывая лицо в зеркале. – Теперь на меня можно уже смотреть без дрожи в коленках. А, когда шрам уберется, и вообще можно идти с девушками знакомится.

Хрен с ним, ничего не буду предпринимать, пока не узнаю, возьмут меня диктором, или нет. Хотя мутно все это. Так что сентябрь посвящу сбору грибов и ягод, надо хоть чем-то семье помочь, затем лягу на операцию, а уж после неё начну думать, чем заняться в новой жизни. Все равно догадаться, чего от меня требует неведомая сущность, не получается.

Поэтому, на следующий день, закинув на плечи шарабан и взяв комбайн для сбора брусники, я с утра отправился в лес. Тем более что огромного района новостроек на наших заветных угодьях пока еще не существовало.

Три дня прошло в тяжких трудах по сбору брусники. Первые два ведра я принес домой, как и корзину грибов. А остальную ягоду сдавал на приемном пункте. Народа там хватало. В основном в очереди стояли пенсионеры. Школьники были на занятиях, народ большей частью работал, да и бомжеватых личностей особо не появлялось, боялись, наверно, участкового, периодически вылавливающего в очереди тунеядцев и проводящим с ними воспитательные беседы. Меня он приметил в первый же день, но после моих пояснений оставил в покое, даже документов не спрашивал. Хотя, кто их в это время носил с собой? Да никто.

На четвертый день я пришел домой пораньше. Именно поэтому успел взять трубку телефона, до того, как замолчал звонок.

– Александр Владимирович, – прозвучал в трубке уже знакомый голос Хельми Пятилайнен.

– Да, я слушаю.

– Хочу вам сообщить, что по вашей кандидатуре принято положительное решение. Так, что завтра с утра подходите со всеми документами. Пропуск на вас выписан и будет в проходной.

– Понятно, спасибо, обязательно приду, – Я автоматически отвечал собеседнице, размышляя, с чего бы вдруг меня решили принять на работу.

Ведь слова Хельми Пятилайнен, сказанные ей после пробы, я принял за тактичный отказ, мол, извини, все решит вышестоящее начальство.

– Саша, кто это звонил? – спросила мама, зашедшая домой, когда я машинально положил трубку на телефон.

– Меня диктором на радио берут, – улыбнулся я. – Только, что будущая начальница звонила, просила завтра явиться с документами в отдел кадров.

– Господи! Только этого нам не хватало! – воскликнула маман. – Я так надеялась, что тебя не возьмут. Мне теперь на работе покоя не дадут, все начнут интересоваться, по какому благу я тебя туда устроила.

– Ну, что ты говоришь? Мам, разве у тебя в поликлинике одни финны да карелы работают? Их же по пальцам можно пересчитать.

– Сынок, можно подумать, на твоём радио, полный порядок, там такой же бардак, как и везде. Сегодня ты новости на финском будешь читать, а завтра кто-то заболеет, и будешь на русском языке все говорить.

Мне стало смешно.

– Да ты уже завтра первая расскажешь на работе, где твой сын будет работать, – подумал я, хотя вслух благоразумно этого не говорил.

– Пожалуй, в этом плане ты права, – уже вслух ответил я. – Наверняка придется и обычные новости сообщать, да мало ли, еще какие передачи появятся. Хорошо хоть с такой рожей меня не посадят читать новости на телевиденье в «Экране дня».

– Саша, перестань так о себе говорить, ты не прав. Володя Новожилов удачно тебя прооперировал, осталось только шрам убрать и будешь парень хоть куда.

Так, сейчас время половина шестого. Сейчас мы едем с тобой в универмаг «Карелия» покупать новый костюм, рубашки и галстуки. Диктор карельского радио должен быть прилично одет. А не, как гопник какой-то.

Вызывай такси, а то автобус четверку будем час дожидаться.

– Ох, ничего себе! Вот это маман разошлась! Когда такое случалось, чтобы она такси вызывала? Что-то даже не припомню, – думал я, набирая номер диспетчера.

Такси пришло через пятнадцать минут, а еще через десять мы уже заходили в универмаг.

С рубашками и галстуками проблем не было. А вот с костюмом так быстро не получилось. Во всем оказалась виновата моя нестандартная фигура. Слишком я был тощим для 185 сантиметрового роста.

Пришлось перемерить с десятков моделей, прежде чем удалось подобрать хоть что-то. Но маме костюм понравился.

– Саша, да ты посмотри, как он сидит. Тебя сейчас хоть на свадьбу отправляй. И материал отличный, ткань с лавсаном, ей износа век не будет.

Ты же любишь локтями по столу елозить, а такой тканью и нарукавники не нужны. На этикетку глянь, фабрика имени Володарского, там плохого не сошьют. И стоит всего шестьдесят два рубля. Так, что мы укладываемся в смету, в заначке хватит денег тебе еще на пальто и зимние ботинки.

Мне, после всех примерок было безразлично, на какой фабрике и из чего шили этот костюм, хотелось только одного, скорее выбраться из магазина и уехать домой.

Зато маман, просто светилась от счастья. Не так часто в жизни она ходила за такими покупками.

Такси мы брать не стали. Как добропорядочные граждане дождались автобуса и на нём добрались до дома.

Там, мама еще раз потребовала примерить все покупки и только после этого мы уселись ужинать.

Когда я утром зашел в кабинет Хельми Пятеляйнен, та уставилась на меня, как будто увидела в первый раз.

– Хельми Эйнарловна, доброе утро, – улыбнулся я. – Как поживаете?

– Добрый день, Александр, – отмерла та, – Ты уже побывал в отделе кадров?

– Да, конечно, принес трудовую книжку, еще раз автобиографию написал, заявление о приеме на работу.

Хорошо, – задумчиво протянула женщина. – Знаешь, в первый момент, когда ты зашел, я тебя не узнала. Без пластыря на носу и в костюме ты выглядишь намного лучше.

Обрадовавшись нужному направлению мыслей начальницы, я сразу взял быка за рога.

– Хельми Эйнарловна, думаю, что вы будете не против, если я стану выглядеть еще лучше. Дело в том, что на 27 сентября у меня назначена операция по иссечению шрама на лице. Надеюсь, что на больничном листе я пробуду не больше недели, если все пойдет, как надо.

– Я вообще-то не сомневалась, что ты озаботишься состоянием своего лица, но не думала, что это случится так сразу, – недовольным тоном сказала та. – Но думаю, что мы сможем это пережить. Справлялись ведь как-то до тебя.

Ну, ладно, у нас еще будет время все обговорить, а сейчас идем в монтажную комнату, займемся записью вечерних новостей.

Весь диалог у нас естественно проходил на финском языке.

Мы прошли в студию, где я уже побывал три дня назад. Усевшись за стол, я надел наушники и по команде оператора начал читать подготовленный текст.

Когда завершил чтение, Пятеляйнен сказала:

– Не буду ничего объяснять, сначала послушаем запись, а потом разберем типичные ошибки новичка.

И мы разобрали их один раз, потом второй, и только на третий раз мое прочтение удовлетворило редактора. Мне, кстати, и в третий раз не понравилось то, что я лепетал.

– Неужели, эту жуть, выдадут в эфир, – ужасался я.

К этому времени я изрядно вспотел. В монтажной было душно, а тут еще и волнение. Поэтому в перерыве я сразу вышел на улицу.

Вместе со мной вышел и звукооператор – монтажер. Солидный мужик лет сорока с бородой под Хэменгуэя вытащил из кармана пачку Родопи и предложил мне закурить.

Когда я вежливо отказался, он прикурил сигарету, подмигнул мне и сказал.

– Не переживай, что Хельми так строжит. У тебя с первого раза нормально получилось. Это, чтобы ты не расслаблялся. Все равно в ближайший месяц два в прямой эфир тебя никто не выпустит. Ну, может, два месяца я и загнул, но месяц точно только в записи твои новости пойдут. Сейчас не те времена, чтобы неопытных дикторов сразу в эфир выпускать.

Мало ли заикаться вдруг станешь, или отсебятину начнешь нести всякое бывает. Сам понимаешь, тебе просто повезло, что язык хорошо знаешь. Тут до тебя уже десяток студентов побывал. Такое ощущение, что в университете они женихов себе ищут, а не учатся.

Мы поболтали еще несколько минут и пошли делать очередную запись.

Вечером, когда по карельскому радио должны были начинаться новости на финском языке, мама уже сидела у радиоприемника.

Слушала она внимательно, хотя не понимала ни слова. За время жизни с отцом она выучила только несколько ругательств на финском языке, дальше её интересы не заходили. А бабушка Ирья и на русском-то с ней разговаривала немного, у них все годы был вооруженный нейтралитет.

Я у приемника не сидел, но тоже прислушивался к звукам, доносящимся из него. Мой голос уже не казался таким ужасным. После прослушивания десятка записей я начал к нему привыкать.

Когда новости подошли к концу, мама смахнула слезинку с глаз и крепко обняла меня.

– Саша, ты молодец, никогда не думала, что твое детское увлечение, поможет найти работу.

После этих слов она отпустила мое тощее тело и, глядя в глаза, сказала:

– Надеюсь, ты понимаешь, что читать новости это не занятие на всю жизнь. В следующем году ты должен поступить в университет, чтобы получить высшее образование.

– Мама, а зачем терять целый год? – улыбнулся я. – Можно ведь и заочно учиться, или на вечернем факультете.

– Саша, ну, что ты несешь? На медицинском факультете давно нет вечернего отделения, тем более, заочного!

– Зато есть историко-филологический факультет с угро-финским отделением. И поступить туда можно без проблем. Мы сегодня это уже обсуждали с Хельми Эйнарвной.

– Ох, Сашка! И почему с тобой столько проблем. Четыре года, как ты школу окончил, и в университете успел семестр учиться, на заводе работать, и армию отслужить. На Пашку посмотришь, вроде бы такой шибутной мальчишка рос, так ведь поступил после школы в университет и учится спокойно, а с тобой одни хлопоты. После твоего факультета одна дорога в учителя. Разве ты хочешь учителем быть?

– Да я вроде бы с сегодняшнего дня диктором принят на работу, разве ты не знаешь? Вот пока диктором и намереваюсь работать. А чтобы меня не выгнали, придется, пойти учиться.

Представляешь, кроме очередного отпуска, мне еще должны будут два отпуска для сдачи сессий предоставлять.

Зарплата, правда, сто десять рублей всего, но со временем будут надбавки, возможно премии.

Услышав размер зарплаты, мама открыла рот от возмущения.

– Это что же творится, у меня молодые врачи столько получают, так они шесть лет учились, экзамены сдавали, людей лечат! А тут мальчишка с десятью классами образования такие же деньги будет получать. Эх, нет в жизни справедливости.

Её взволнованную речь я перебил, сказав:

– Так в чем проблемы? Пусть начинают учить финский язык, если хорошо выучат, вполне возможно их тоже пригласят на радио, или телевиденье.

На мои слова она не нашла, что ответить, поэтому, воспользовавшись паузой, я зарубил дискуссию на корню, позвав маму отведать судака по-польски с гарниром из артишоков. Ну, не из артишоков, конечно, из обычных кабачков. А на десерт у меня был приготовлен мусс из брусники и морошки сделанный на манной крупе.

– Сынок, так дальше жить нельзя, – с надрывом в голосе заявила мама после ужина. – Я сегодня взвесилась на работе и с ужасом обнаружила, что поправилась на полтора килограмма. Это просто кошмар.

– Мама, а что ты так переживаешь, ради чего тебе блюсти фигуру? Ты случайно не помнишь, кто на днях заявил, что будет вести жизнь монашки и посвятит её своим детям. Так вот, официально заявляю, думаю, и Пашка ко мне присоединится – мы в таких жертвах не нуждаемся. Если же ты пересмотришь свою позицию, тогда можно будет подумать и о диете и о фигуре.

На удивление, мама спокойно отнеслась к моему заявлению и даже слегка порозовела.

– Ого! – мысленно воскликнул я. – Это что-то новенькое. В прошлых жизнях у маман после развода с отцом мужчина так и не появился.

К моменту, когда надо было лечь в больницу на повторную операцию, у меня появилась напарница по работе, симпатичная миниатюрная блондинка Эльвира Нокелайнен. Окончив наш университет в прошлом году, она пыталась устроиться переводчиком в «Интурист», но так, как особо выдающихся знакомств у её семьи не имелось, то пролетела с этой профессией, как фанера над Парижем. После этого она устроилась на работу преподавателем английского языка в школу. Но, насколько я понял, её тонкая душевная организация не выдержала столкновения с грубой школьной прозой. Поэтому в семье подняли все знакомства и все-таки смогли устроить девушку диктором на радио.

Зато теперь для Хельми Пятеляйнен наступили золотые деньки. Ей уже не надо было, бросив все дела, самой сидеть у микрофона. Поэтому она не особо огорчилась, когда я сообщил, что завтра у меня госпитализация.

А вот Энсио Венто, присутствующий при этом разговоре, многозначительно кашлянул, привлекая внимание, и затем выразил надежду, что после операции мой внешний вид позволит не только работать на радио, но и на телевиденье.

В приемном покое онкодиспансера, как специально, дежурила Светка Алешина, вернее, теперь уже Хворостова. На этот раз она меня особо не доставала, только сообщила, что Люда вышла замуж за водителя скорой, с которым вместе работала. И хотя прошло много лет, я сразу вспомнил мелкого парня, желавшего выяснить со мной отношения прямо у больницы в Вытегре.

На операцию меня взяли в этот же день.

– А чего ждать? – спросил Новожилов, отвечая на мой невысказанный вопрос. – Под местной анестезией иссечем рубцовую ткань, наложим швы и все дела. Дня три побудешь у нас, а затем, если все нормально, на выписку.

Так, собственно все и произошло. Через три дня вернулся домой и еще несколько дней сидел дома. Первым делом мама отодрала наклейку со шва и удостоверилась в качестве выполненной работы. И только затем стала звонить и благодарить своего коллегу.

Швы она сняла сама, мне даже не пришлось для этого идти в поликлинику.

Я тоже остался доволен своим новым лицом. И еще раз похвалил себя, что не стал устраивать скандал в госпитале. Еще неизвестно, как бы тамошние хирурги провели такую операцию.

Как по заказу в этот день вернулся Пашка из совхоза. За месяц он ухитрился не написать ни одного письма, или позвонить. Не зная точного адреса, мы тоже ничего ему не писали. Поэтому он был ошарашен новостями.

– Сашка, слушай, тебе лицо классное сделали. Ты сейчас лучше выглядишь, чем до армии! – воскликнул он, когда я открыл ему дверь.

Он, продолжил обсуждать эту тему, когда мама, как бы между делом сообщила:

– Паша, пока ты был в совхозе, Саша устроился на работу.

– Отлично! – воскликнул брат. – И кем он теперь работает?

– Диктором на радио, – гордо заявила мама.

Братец потерял дар речи.

– И не только, – донес я добивающий удар. – Мы с тобой теперь оба студенты нашего университета.

– Обалдеть! – прошептал Пашка, садясь на тумбочку, на которой мы обычно чистили обувь.

Мама, естественно, не могла пройти мимо такого неблагоприятного поступка.

– Паша, встань немедленно, ты же запачкаешь брюки, – трагическим голосом произнесла она.

На что оба её сына ответили ржанием молодых жеребцов.

– Мама, да ты полюбуйся на это село! – сквозь смех воскликнул я.

– Нашу тумбочку теперь придется отмывать, после того, как он на ней посидел.

Действительно, вид у Павла был не ахти. Куртка уделана в какой-то глине, брюки заляпаны непонятными пятнами, и к тому же порваны. И дымом от него несло, как от копченой курицы.

– Чего от тебя дымом так прет? – спросил я.

– Вчера для отважной барана на вертеле жарил, – гордо заявил брат.

Нашу беседу прервала мама.

– Паша, всю верхнюю одежду снимай в прихожей и кидай на пол. А лучше раздевайся совсем и марш в ванну. Саша неси матрасник, сейчас одежду и белье сложим в него и на всякий случай опрыскаем дихлофосом.

Пашка, успевший раздеться до трусов, обиженно возопил:

– Мам, ты чего! У нас такой дубак был в доме, там бы ни одна вошь не выжила.

– Ах, у вас еще и печки не было, – ужаснулась маман. – Как же вы там жили?

Но Пашка уже прошел в ванную и уже оттуда, скрывшись за дверью, точно метнул трусы в горку белья.

– Баскетболист, блин, – прокомментировал я бросок и отправился за матрасником и дихлофосом.

Мы уже поужинали, но на Пашкино счастье в одной кастрюле еще оставался чуток азу по-татарски, а в другой картофель, вареный в мундире, который я хотел завтра пустить на котлеты.

Увы, Пашка съел все азу, и всю картошку, и по его виду было понятно, что он еще не наелся.

– Ты, как с голодного острова приехал, – сказала задумчиво мама, сидевшая напротив и наблюдавшая за оголодавшим сыном.

– Вроде бы у вас отвальная вчера была, сам же сказал, барана жарили, – ехидно вступил я в разговор. – Что тебе мяса не досталось?

Паша в ответ промямлил что-то невразумительное и заткнулся.

Когда же вечером остались вдвоем в комнате, он более подробно рассказал о вчерашнем веселье.

– В общем Сашкец, мы закончили выделенные поля на три дня раньше срока. И по этому поводу решили устроить отвальную. Купили здорового барана у одной бабки, водяры бутылок двадцать, картошки наварили, глаза бы мои её больше не видели!

Короче, так получилось, что пришлось самому барана резать и жарить, остальные парни, интеллигенты сраные, ни хрена не умеют, могут только водку жрать. Ну, пока жарил, тоже принял на грудь несколько стопок на голодный желудок.

Ну, и под конец жарки вырубился на хрен. А когда проснулся, у нас уже танцы в полном разгаре, а барана сожрали. Танька Матросова мне оставила кусочек на кухне, так и его кто-то спи...л.

– Вот, что бывает, когда слишком много выпьешь. – назидательно сообщил я.

– Это точно, – подтвердил брат и захрапел, как только положил голову на подушку.

После приезда брата наша жизнь вошла, как говорится в накатанную колею. Мама руководила своей поликлиникой. Паша ходил на занятия, сам стирал и крахмалил свои халаты, и три раза в неделю сторожил детский сад. Ну, как сторожил. Спал он там с десяти часов вечера до шести утра. Он спал бы и дольше, но к шести на работу приходили повара.

А я, как и родственники ходил на работу, вечерами спешил в университет на занятия. Ну и конечно, по выходным дням кормил все семейство блюдами народов мира.

Как-то в прошлых жизнях я не был знаком с жизнью студента – вечерника.

Поэтому, для начала удивился той легкости, с которой сдал вступительные экзамены, которые для вечерников шли месяцем позже, чем для студентов дневного отделения. По-моему преподаватели были не на шутку удивлены моим знанием финского и английского языков. О знании шведского языка я даже не заикался. Темы для сочинений тоже не удивили, у меня в кармане на всякий случай лежали несколько фотокопий. Подошли сразу две. Я выбрал сочинение по роману Горького «Мать», как самое короткое. Получил четверку, но для поступления мне хватило. Уже после зачисления я пристал к Хельми с вопросом, не звонила ли она в деканат, чтобы я сдал экзамены без огрехов, но она бурно отреагировала, сказав, что даже и не думала этого делать.

На первую лекцию шел с небольшим волнением, было интересно, с кем придется учиться долгих пять лет.

Группа вечерников оказалась небольшой. Всего восемнадцать человек. К удивлению кроме меня в группе имелось только два парня, уже отслуживших в армии. Почти все девчонки окончили в этом году школу и, не пройдя по конкурсу на дневное отделение, срочно перевелись на вечернее. Их сверстникам по понятным причинам делать это было бессмысленно. Самое смешное, только три, или четыре человека при переключке отозвались на русскую фамилию. Остальные фамилии были финские, или карельские.

В принципе, это было легко понять. Кто еще пойдет учить финский язык, только тот, кто говорит на нем с детства. Но мы изучали еще английский язык, и я не сомневался, что большинство из нас трудовую деятельность начнут учителями английского языка. А надежды стать переводчиками и работать в Интуристе сбудутся у единиц. Хотя в Советском Союзе было

всего два учебных заведения, где можно было изучать финский язык, у нас и в Эстонии, но видимо для потребностей страны хватало небольшого количества специалистов.

Когда начались практические занятия и семинары, я понял, почему именно меня взяли работать диктором. Мои однокурсники разговаривали по-фински примерно так же, как я это делал в первой жизни, а именно хреново. Тем более у северных карел имелся специфический акцент, из-за которого не сразу понимаешь, что они хотят сказать. Однако был один предмет, в котором я плавал, как и все остальные самоучки – это финская грамматика. И хотя она была на порядок легче, чем грамматика русского языка, все равно давалась тяжело.

Несмотря на то, что курс для вечерников был несколько сокращен, от истории КПСС нас никто не освобождал. Придется учить и её, грустно думал я, покупая в книжном магазине тонкие брошюры статей Ленина.

Дня через два мы уже выяснили, кто есть кто. Девушки в большинстве своем не работали, сидели на шее у родителей. Три девицы работали помощниками воспитателей в детском саду. Одна художником оформителем. Парни, ухмыляясь, заявили, что работают в лесном филиале Академии наук.

Мне же скрывать было нечего, поэтому я признался, что работаю диктором на радио. Тем более что в ближайшие дни ребята это выяснили бы и сами. Так, как со второй половины октября я должен был начать работать диктором и на телевиденье. Хорошо, что от одного здания до другого было метров пятьдесят.

Завела об этом разговор сама Хельми Пятеляйнен.

– Алекс, – обратилась она ко мне после того, как я явился на работу уже полностью зажившими швами. – Мы тут в руководстве посовещались и пришли к выводу, что тебе можно доверить и читать новости на телевиденье. Сегодня проведем пробу, но наш режиссер не сомневается, что ты вполне фотогеничен.

Для меня новостью эти слова не стали, Энсио Венто об этом не раз говорил.

Но мне очень не понравилась реакция Эльвиры Нокелайнен, присутствующей при разговоре. Та после озвучивания такого решения стала смотреть на меня, как на врага народа. В принципе она начала работать на радио всего на две недели позже меня и, наверно, рассчитывала попасть и на телевиденье. В конце концов, работа диктором на радио и телевиденье – две большие разницы.

Зато Венто был в восторге. Обычно немногословный и угрюмый, сейчас расплылся в улыбке и сразу сообщил, что в декабре сможет спокойно ехать на гастроли со своим ансамблем «Манок» в Москву, ведь без его баса, ансамбль, не ансамбль. А когда вернется, то обязательно сводит меня в финский драматический театр на уроки сценического мастерства, которые мне обязательно пригодятся.

Настоящая слава ко мне пришла в конце октября, когда после нескольких проб я начал вести новости по телевизору. И сразу жизнь заиграла новыми красками. Еще повезло, что на улице уже царил поздняя осень, и приходилось одеваться практически по-зимнему. Поэтому на улице и в транспорте в надвинутой почти на нос зимней шапке меня никто не узнавал. Так, что по улице можно было передвигаться свободно. Ну, разве что иногда меня пристально разглядывали в автобусе, пытаюсь понять, я это, или не я. Зато в университете настал трюндец.

Куда бы я не шел; на семинар, на лекцию, или просто в туалет, обязательно находилась очередная девица, пытавшаяся познакомиться. Хорошо хоть, что таких непосредственных девушек было немного. Все же основная часть студентов и преподавателей старались разглядывать меня незаметно.

В нашей группе по поводу меня тоже шли споры. Моя подноготная уже была изучена, и девушки недоумевали, каким образом я мог выучить финский язык, когда на нем разговаривала только бабушка – ингерманландка. В конце концов, консилиум пришел к выводу, раз

Красовский в обычной, неспециализированной школе смог изучить на высоком уровне еще и английский язык, значит, ему просто легко даются языки и в этом все дело.

Интересно, что они скажут, если узнают, что их одноклассник еще говорит на шведском языке, притом гораздо лучше, чем на финском и английском.

Все же понемногу ажиотаж стих, по вечерам в университетских коридорах толклись одни и те же студенты и мало помалу девушки от меня отстали, сообразив, что знакомится я не жажду.

Тем не менее, нашлись в известности и свои плюсы. К примеру, в библиотеке, когда я туда приходил, всегда находилась нужная книга, или статья, охотно доставленная улыбающейся библиотечаршей. В первой жизни подобного профита у меня не имелось. Как правило, чем-то недовольные библиотекари заявляли, что книга на руках, или надо подождать и так далее.

В конце ноября Энсио Венто уехал на гастроли. Игорь Сенцов ведущий вечерней программы «Экран дня», как назло подхватил ОРЗ. Так, что мне пришлось отдуваться сразу за двух товарищей.

Пятеляйнен могла бы облегчить мне работу, отдав утренние новости Эльвире Нокелайнен. Но, похоже, между дамами пробежала черная кошка.

Что уж у них произошло, я не знаю, но похоже, Эльвира долго у нас не проработает. Как шепнул мне звукооператор Игорь Маньшев, у Хельми Эйнарловны характер тяжелый, нордический.

Неделю я работал в авральном режиме, пришлось даже пропускать лекции в университете. Затем поправился Игорь, после чего работы значительно уменьшилось. К концу первой декады декабря с гастролей вернулся Венто, и когда он приступил к работе, мне показалось, что я вообще ничего не делаю.

Как-то мы столкнулись с ним в коридоре и он, глядя на меня сверху вниз, сказал:

– Алекс, в эту субботу пойдешь вместе со мной на репетицию.

От неожиданности я растерялся.

– Энсио, какая репетиция, ты о чем? У меня даже слуха нет. Я не собираюсь петь в вашем ансамбле.

Пожилый финн улыбнулся.

– Репетировать буду я, а тебя познакомлю с главным режиссером Паули Ринне. У нас не так много финно-язычной молодежи в городе, и в театр они идти не спешат. Посмотрим, вдруг из тебя получится артист, к тому же если будешь заниматься в труппе театра, появятся перспективы не только читать новости, но и вести другие передачи на финском языке.

Когда мы зашли в театральный зал, сцена была пуста. На передних рядах сидели несколько мужчин и что-то оживленно обсуждали.

Когда мы подошли, их взгляды устремились на меня.

– Энсио, ты кого к нам привел, не сына случайно? – шутливо спросил один из них.

Все дружно засмеялись, так как все прекрасно знали о семейном положении друг друга.

– А так это твой молодой коллега, – кто-то из присутствующих, наконец, узнал меня.

– Послушай, Александр, – обратился ко мне все тот же мужчина. – Признаться, мои друзья заинтригованы твоим появлением на телевиденье. Всем было интересно узнать, откуда у нас появился такой самородок. Нашего Энсио спрашивать бесполезно. Сам знаешь, из него лишнего слова не выдавишь.

Давай знакомиться, меня зовут Виллиам Халл, я некоторым образом поучаствовал заочно в твоей судьбе, визировав твое заявление на работу.

Тут я вспомнил, что Виллиам Халл сейчас работает заместителем министра культуры Карелии и, естественно, прием на работу новых дикторов мимо него не проходит.

Пока мы знакомились, появился еще один персонаж, это был руководитель ансамбля Андро Лехмус.

Он тоже уделил мне минуту времени и даже поинтересовался, не желаю ли я принять участие в распевке.

Узнав, что мне наступил на ухо медведь, сочувственно глянул на меня и поспешил на сцену, где уже стояли все участники ансамбля.

Репетиция шла довольно долго и часто прерывалась руководителем, разбирающим ошибки исполнителей.

Все это время я сидел в зале, думая за каким чертом меня сюда занесло. Понемногу рядом со мной появлялись люди, видимо артисты, тоже пришедшие на репетицию.

В скором времени из зала стали слышны реплики, что некоторым товарищам пора и честь знать, и освободить место театральному коллективу.

Реплики были довольно безобидными, что объяснялось простым обстоятельством. В составе репетирующего ансамбля на сцене стоял главный режиссер театра и заместитель министра культуры. С ними особо не поспоришь.

Но видимо даже такие ремарки сделали свое дело, допев очередную песню, Манок в полном составе покинул сцену и исчез в неизвестном направлении. Только главный режиссер Паули Ринне, проводив друзей печальным взглядом, остался на месте.

– Понятно, – сообразил я. – Мужики сейчас причастятся по чуть-чуть, поговорят за жизнь и по домам.

Пока артисты, оживленно перебирались на сцену, режиссер подошел ко мне и, улыбнувшись, спросил:

– Молодой человек, ваш коллега по работе Энсио Венто настоятельно рекомендовал глянуть вас на сцене. Полагаю, раз вы пришли и даже терпеливо дождались окончания репетиции, против такой пробы вы ничего не имеете?

– Раз уж я здесь, стыдно было бы отказываться от такой возможности. Давайте попробуем.

– Отлично, – заметно обрадовался Ринне, – проходите на сцену.

Когда я вышел на освещенную сцену, на меня с любопытством уставились глаза артистов.

– Александр, – Ринне вновь обратился ко мне. – Энсио рассказывал, что вы неплохо знаете эпос Калевала. У нас сегодня вечером идет спектакль «Куллерво», вы сможете вспомнить подходящий стих из эпоса. Если да, то просим.

– Хорошо, – неожиданно осипшим голосом сказал я и откашлялся. – Я прочитаю то место, где Куллерво, узнав о смерти матери, находится в большой печали.

Еще раз откашлялся и негромко начал говорить, стараясь интонациями передать переживания юноши, потерявшего мать.

"Горе, горе мне, бедняге,
матушка моя скончалась,
та, что мне кроила полог,
одеяльце вышивала,
из кудели нить крутила,
с веретенцем управлялась.
Не было меня с ней рядом,
как родная умирала.
То ль от холода замерзла,
то ль от голода угасла?
Вы покойницу обмойте
привозным из Саксы мылом,
в саван шелковый оденьте,

в полотняные одежды!
Лишь потом везите в калму,
лишь потом заройте в землю,
с причитаньями везите,
в яму с воплями спустите!
Не могу еще вернуться:
не отмщен покуда Унто,
не погублен муж коварный,
жалкий муж не уничтожен".

Мои слова отдавались эхом в пустом зале. Доброжелательная улыбка исчезла с губ Ринне. Он напряженно всматривался в меня. А когда я замолк, наступила полная тишина. Артисты переглядывались между собой, а на глазах у одной девушки появились слезы.

– Кгхм, – пришел к жизни режиссер, – Мда, это было что-то. Молодой человек, вы раньше не занимались в театральной студии, или кружке?

– Нет, не было такого, – смутился я. Надо сказать меня удивила реакция окружающих на прочитанный отрывок. Наверно, я так плохо его прочитал, что профессионалам даже лень смеяться.

– В общем, так, Александр, – не будем вести долгий разговор, я сейчас вам дам слова главного героя в спектакле «Куллерво» и жду вас на репетицию на следующей неделе. – К моему великому удивлению, сообщил Паули Ринне.

Через несколько минут в моих руках оказалась пачка потрепанных листов, с напечатанным на машинке текстом и сверху номер телефона, по которому следует позвонить, когда посчитаю себя готовым к репетиции.

В полном ошизевании я собрался и отправился на улицу. Тонкую пачку листков скрутил в трубку и сунул во внутренний карман пальто, там будет целее, после чего побрел на автобус. Торопиться никуда не нужно. Сегодня вечером очередь Венто читать субботние новости.

– Что ты за бумаги приволок? – лениво поинтересовался Пашка. Он лежал на кровати, задрав ноги на стену и вперив взор в учебник пропедевтики.

– Да, вот, мне роль Куллерво, дали в Финском театре, буду там играть в спектакле. – в таком же тоне ответил я.

Бабах! Пашкины ноги упали на кровать, а учебник на пол.

– Сашкец, врешь!?

– Чего врешь, на, погляди, вот роль, видишь сверху написано Финский драматический театр.

Брат взял в руки листки, запинаясь, прочел несколько слов и передал бумаги обратно мне.

– Забери, я все равно ни хрена не понимаю, что там написано. Это ты у нас фиником заделался. Расскажи хоть, как тебя в театр занесло?

Ну, я и рассказал. Потом рассказал еще и маме.

На маму мой рассказ особого эффекта не произвел. И это было вполне понятно. Ну не пользовался Финский театр особой популярностью среди горожан. И хотя для зрителей в зале имелись наушники с синхронным переводом, все места были заняты редко, чаще всего в дни премьер.

– Так и не поняла, что тебе обещал этот режиссер, – скептически произнесла маман. – Актером хочет на работу взять?

– Мам, ничего он мне не обещал, – в третий раз устало повторил я. – Он попросил выучить роль и после этого придти на репетицию. Думаю, что режиссер хочет посмотреть, как

я буду вести себя на сцене, а уж потом что-то решать, а на настоящий момент ничего еще не ясно.

– Сынок, а тебе то хочется стать актером театра? Не такое это простое дело, там талант нужен. А мне кажется, что с ним у тебя проблема.

Я молча пожал плечами, никак не удавалось забыть странное волнение, охватившее меня, когда я читал стихи. И я тогда буквально чувствовал эмоции слушающих меня актеров.

Во время разговора с мамой я вдруг вспомнил позабытую встречу с финской девушкой Тууликки которой в прошлой жизни читал стихотворение Брюсова. После чего её мать, саамская ворожея, назвала меня колдуном, забравшим сердце дочери.

Так получилось, что в той жизни мне не приходилось больше кому-то читать стихи кроме жены. Но почему-то от Люды не исходило такой эмоциональной отдачи, какая была сегодня. Может, в той жизни я просто не заметил второго подарка судьбы и именно поэтому меня отправили на третий круг Сансары.

Мама, удовлетворенная тем, что еще ничего не решено, ушла смотреть телевизор. А Пашка слушавший наш разговор со смехом заметил:

– Ну, Сашкец, ты меня классно подловил. Я ведь и вправду подумал, что тебя взяли на главную роль. Хотел уже завтра похвастаться в группе, какой у меня крутой брат. Плохо, придется хвастовство отложить, а то я надеялся к Жанке Михайловой подкатить, она у нас любительница всяких ансамблей «Кантеле», да классической музыки и уговорить её на поход в театр, посмотреть на тебя. Она девушка любопытная. А потом, к ней в общагу на чай напроситься.

Следующим днем в коридоре дома радио мне навстречу попался Колька Воронин. Обычно он ходил с гордо поднятой головой, выставя свой вороний, или лучше сказать, индейский профиль. Но сейчас в его движениях чувствовалась некая растерянность.

Увидев меня, он явно обрадовался.

– Сашка, привет, слушай, мне надо с тобой срочно посоветоваться.

– Коля, что-то случилось, у тебя вид какой-то болезненный?

– Саша, ты эфир заканчиваешь раньше меня, подожди минут двадцать, пожалуйста, пока у нас запись закончится.

– Лады, подожду, – согласился я и потопал в студию.

Отработав утренние новости, я глянул на часы, минут тридцать нужно было подождать Воронина и, я решил выпить чашечку кофе в буфете.

Когда я заканчивал второй бутерброд с сыром, в дверь торопливо зашел Коля.

Сев ко мне за столик он вытащил из кармана двойной тетрадный листок, исписанный каллиграфическим почерком.

– На, почитай, – Колька передал мне в руки эти листки.

Письмо, а это было письмо, начиналось следующими словами:

Здравствуй, Коля, давно собиралась тебе написать, но все не могла решиться. Сегодня собралась с духом, и, как видишь, пишу. Я знаю, что ты был ко мне равнодушен все десять лет нашей учебы в школе. К сожалению, ты был очень нерешительным мальчиком, и я зря ждала от тебя инициативы. Самую большую обиду ты нанес мне, когда в десятом классе написал записку с просьбой о встрече. По почерку я сразу догадалась, кто её автор. Я так ждала этой встречи. Но вы, жестокие мальчишки, решили посмеяться надо мной. Я так плакала, когда пришла домой. Но мама мне сказала, что я должна быть гордой и не показывать никому свою обиду.

Наверно поэтому на следующий год после школы, я вышла замуж за Арво и уехала с ним в Таллин.

К сожалению, ничего хорошего из этого брака не вышло, оказалось, что мы с ним совершенно чужие люди. В прошлом году я развелась и хочу уехать из Эстонии.

Коля, я знаю, что ты до сих пор один, у тебя никого нет, мне Света Шитикова регулярно пишет обо всех одноклассниках. Я бы очень хотела начать новую жизнь с тобой. Мы оба одиноки, нравились друг другу, давай попробуем, может у нас все получится.

Дальше письмо я читать не стал, потому, что вспомнил, как это было тогда.

Действительно в первой жизни, Коля получил это письмо и так же подходил ко мне с вопросом, что делать?

Мне тогда был всего двадцать один год, что хорошего я мог посоветовать? Ничего.

Матильда, все же приехала в Петрозаводск, но с Колькой так и не встречалась. О её дальнейшей судьбе ничего не знаю, а вот Коля, как тонкая артистическая натура, начал прикладываться к бутылке, сначала понемногу, пока окончательно не спился. В его квартире не проданными оставались только ободранные стены, даже унитаз он ухитрился продать. Если бы в те времена можно было продать квартиру, наверно, он бы продал и её.

Поэтому сейчас я в своих советах даже не сомневался. Колька слабовольный парень, а Матильда Тикке сильная женщина, чистокровная финка. Колян будет за ней, как за каменной стеной.

– Коля, ты дурак, такая красивая одинокая девушка пишет тебе письмо, а ты не знаешь, что делать. Сейчас приходишь домой, и пишешь Матильде покаянное письмо с извинениями и признаниями, что ты страдал все эти годы и любил только её одну. – внушал я другу, отдав обратно письмо.

– Сашка ты уверен, что надо написать? – робко спросил тот.

– Конечно, уверен, заживешь, как солидный, женатый человек, наконец.

– Сам-то чего тогда не женишься, раз так хорошо быть женатым? – спросил Колька.

– Так мне, в отличие от некоторых, никто пока не пишет и признаний в любви не делает, – отмазался я от наивного вопроса.

– Хорошо, – согласился Воронин. – Последую твоему совету, напишу письмо. Посмотрим, что из этого получится.

Как ни странно, заучивание роли Куллерво меня захватило. Текст укладывался в голове намертво. Буквально за неделю я его одолел. И уже собирался звонить в театр, как неожиданная встреча выбила меня из равновесия.

Нет, в принципе я ожидал интерес ко мне со стороны органов безопасности, но почему-то думал, что это случится намного позже.

Вечером, когда я вышел из проходной на безлюдный темный перекресток, ко мне подошел молодой парень и негромко произнес:

– Александр Владимирович, пожалуйста, уделите минутку, я вас надолго не задержу.

– Внимательно слушаю, – эхом отозвался я, начиная понимать, в чем дело.

Парень показал раскрытое удостоверение, в темноте зимней ночи в нем не было видно ни единой буквы, и продолжил:

– Александр Владимирович, я сотрудник комитета государственной безопасности, лейтенант Евгений Ильин. Мне необходимо с вами переговорить по многим вопросам. На улице, сами понимаете, этого мы делать не будем. Я дам вам номер телефона, вы можете позвонить по нему в любое удобное время, мы договоримся, когда и где встретимся для беседы. Если меня не будет, вы можете обговорить все вопросы с человеком, поднявшим трубку. Единственно, попрошу не тянуть со звонком. Вы, как комсомолец понимаете, что враги нашего государства не оставляют своих планов и вредят нам, где только могут, и ваш долг помогать органам в раскрытии таких оборотней.

Надеюсь, вы понимаете, что делиться с кем-либо о нашей встрече не следует.

С этими словами он сунул мне в руки бумажную полоску с номером телефона и зашагал в сторону автобусной остановки. Я даже не успел сказать, что не собираюсь никому рассказывать о нашем разговоре.

Глядя ему вслед, я понял, что паренек изрядно замерз, поджидая меня. Поэтому почти бежит, желая скорее усестись в теплый автобус. На улице все-таки почти двадцать градусов ниже нуля.

– Да, уж, нелегка служба у младшего офицерского состава в КГБ СССР, – мысленно посочувствовал я лейтенанту, вынужденному бегать по городу, набирая осведомителей.

Повернулся и пошел в сторону дома. Мне, чтобы добраться до него, в отличие от лейтенанта, нужно было всего лишь перейти дорогу.

Тянуть со звонком я не стал. Не было смысла. Тем более приближался Новый год, и хотелось разобраться с неприятностями в старом году. Их у меня и так хватало.

Встретились мы Женей Ильиным на конспиративной квартире. Та располагалась на втором этаже, многоквартирного дома, и явно не видела ремонта лет десять. Но на маленькой кухоньке было довольно уютно. К моему приходу будущий куратор заварил кофе, целый кофейник. На пачке, стоявшей на столе, я прочитал надпись – кофе с цикорием.

– Мда, экономит на осведомителях, парнишка, – подумал я.

– Надо сказать, лейтенант меня встретил приветливо, усадил за стол, предложил чашечку кофе и рогалик с маком.

– Александр Владимирович, так получилось, что вы попали в поле нашего зрения в связи со своей работой диктором. Вы встречаетесь с разными людьми, в большинстве своем это финны и карелы, сложность в том, что наша Карелия граничит с Финляндией, являющейся капиталистической страной, поэтому эти люди могут свободно слушать передачи финского радио, а в пограничных районах смотреть финское телевиденье. Поэтому нельзя исключить, что некоторые из них подпадут под влияние чуждой нам идеологии. В связи с этим мы должны уделять большое внимание этому вопросу. И вы, как комсомолец, сержант запаса, должны нам помогать в этом ответственном деле, выявлять недовольных политикой нашей партии и правительства и лиц, которые могут перейти на сторону врага.

– Товарищ лейтенант, – перебил я Ильина. – Так у нас каждый второй недоволен. К примеру, тем, что мясо не каждый день можно купить, колбасу. Мебель в дефиците, бытовая техника. Мне что, о каждом таком случае надо сообщать?

Лейтенант устало вздохнул.

– Санек, ты позволишь так тебя называть? Я все-таки старше тебя.

После того, как я кивнул головой, он продолжил:

– Ты сейчас не о том говоришь, мы сейчас должны решить главный вопрос, он заключается в том, будешь ли ты регулярно сообщать нам, что делается у вас на работе, о чем беседуют сотрудники, то есть, станешь ли ты работать с органами безопасности.

– Конечно, я согласен, – пылко заявил я.

– Хм, тогда ты должен ознакомиться с инструкцией и подписать, что ознакомился с ней, и дату поставить не забудь.

Внимательно прочитав короткий текст, я вопросительно глянул на собеседника и спокойно произнес:

– Евгений Александрович, я не буду ничего подписывать.

– Как это не будешь? – удивился тот. – А как я без такого документа при необходимости смогу доказать начальству, что ты мой агент?

– Ну, я не думаю, что это так важно. Как мне кажется, информация, есть информация и неважно какими путями она получена. К тому же вы, наверняка, должны отчитаться о сего-

дняшней беседе и моем согласии работать осведомителем. Поэтому все кому надо будут в курсе.

Евгений Александрович, смотрите, я ведь добровольно соглашаюсь помогать комитету безопасности, а из ваших слов получается, что я должен, как пойманный шпион, под давлением улик подписать договор о сотрудничестве.

В общем, дело обстоит так, я работаю с вами без всяких подписок, или вообще не работаю.

Лицо лейтенанта, когда он слушал мою отповедь, резко побагровело. Но он смог взять себя в руки и почти спокойно продолжил говорить.

– Санек, никто тебя шпионом не считает, не носи чушь, просто каждое дело требует документального оформления. Вполне возможно, что когда-нибудь возникнет необходимость выплатить тебе какие-то деньги, премию, к примеру. А никаких оснований для этого не имеется.

Я снисходительно улыбнулся.

– Товарищ лейтенант, вы только, что говорили о долге каждого комсомольца бороться с проявлениями вражеской идеологии. Поэтому я хочу помогать вам бескорыстно. Мне не нужны эти деньги.

Короче, ему так и не удалось уговорить меня подписать бумагу. Получив псевдоним «Марат» и номер телефона для связи я распрощался с вспотевшим куратором и поехал на работу.

Интермедия № 1

В сером здании на улице Комсомольской, которая через двенадцать лет станет улицей Андропова, несмотря на позднее время в некоторых кабинетах горел свет. В один из них и зашел лейтенант Ильин.

– Женя, ты вроде бы сегодня ездил на встречу с этим молодым диктором? Доложи, как прошла беседа. – приказал непосредственный начальник Ильина, капитан Сивков. – Что-то выглядишь каким-то взъерошенным. Тебя Красовский часом не поколотил. Он ведь до армии вольной борьбой увлекался?

– Так точно, товарищ капитан, увлекался, есть такой факт в биографии, – вздохнул подчиненный. – Нет, никто меня не бил. Но понимаете, Николай Капитонович, беседа с этим парнем пошла совершенно не по методичке. И вообще, когда он заговорил, я почувствовал себя мальчишкой, беседующим с пожилым умным человеком. А я ведь на шесть лет старше. Тем не менее, он забрал инициативу в разговоре с самого начала. А я оказался в роли оправдывающегося. У меня первый раз такой прокол. Обычно, когда начинаешь разговор, сами знаете, люди волнуются, переживают, а этому хоть кол на голове теши, сидит спокойный, как мамонт, и улыбается вдобавок.

Капитан поморщился.

– Женя, ты получил от него подписку?

– В том то и дело, что ни хрена не получил. Парень категорически отказался от подписи. Хотя заверил, что работать со мной будет. Кстати, сам себе выбрал псевдоним «Марат».

– Хм, смотри-ка, паренек себя санкюлотом почувствовал, – ухмыльнулся Сивков, продемонстрировав знание французской истории. – идеалист, похоже, бессребреник, мать его.

– Ладно, лейтенант, не бери в голову, еще не таких ухарей встретишь за время службы. А с этим кадром решим проще. На неделе свяжись с ним и попроси написать характеристики на всех сотрудников, с кем он работает.

Эту бумагу и положи в его папку вместо подписки. Все понял?

– Так точно, все понял, – ответил повеселевший лейтенант.

– Эх, молодежь, все вас учить надо, – вздохнул капитан, когда его подчиненный покинул кабинет. – Ну ладно, пора и мне домой собираться, засиделся я что-то сегодня.

До Нового года оставалось всего десять дней, когда я позвонил в театр режиссеру, сообщить, что я смог выучить, данную мне роль.

Надо сказать, что Паули Ринне не сразу сориентировался, кто ему позвонил и принял меня за какого-то приятеля из Финляндии. Но спустя минуту недоразумение было исчерпано и мне было сказано следующее.

– Александр, я все помню, и наш договор остается в силе. Просто понимаешь, сейчас не до прослушивания. Перед Новым годом столько проблем и забот.

А с первого января начинаются школьные каникулы. Так, что до середины месяца никаких репетиций. Новогодние елки, утренники, и прочие радости жизни. И спектакли каждый день.

Так, что звони ближе к пятнадцатому января, не ошибешься.

В принципе, я ожидал подобных слов. Но все же было немного обидно. Потратил столько свободного времени на зубрежку роли, а меня так лихо бортанули.

С другой стороны, на время можно отложить надоевший текст. Однако только я положил трубку, как мне позвонил Ильин.

– Александр, добрый день, с наступающим тебя, – раздался в трубке его до отвращения бодрый голос.

– И тебе привет, – не особо ласково произнес я. Мы заранее договорились об общении на ты, ведь в случае, если мама или брат подойдут к телефону, Ильин представится товарищем по работе.

– Чего такой кислый? Не заболел случайно? А то поговаривают, что Гонконгский грипп снова появился.

– Да, нет, устал просто, работаю вне графика. Венто опять на гастролях, уехал в Швецию, а мне отдувайся за него, да роль в театр готовлю.

– Понятно, ну, ничего, ты парень молодой, справишься с трудностями. Я чего звоню то. До Нового года тебе нужно кровь из носа, написать характеристики на своих коллег и передать их мне.

Я глянул в мамину комнату, мама с увлечением смотрела передачу «В мире животных» и ничего больше не замечала. Пашки дома не было.

– Женя, а ничего, что я не занимался сочинением характеристик. И вообще странно, в отделе кадров имеются характеристики на весь персонал, наверняка твои коллеги с ними давно ознакомились.

Санек, все правильно, знаем мы о твоих коллегах многое, и писать характеристики тебя никто не учил. Но нам хочется получить именно твою оценку, взгляд так сказать, со стороны, незамысленный, понимаешь?

– Хорошо, напишу, – буркнул я. – Что-нибудь еще требуется от меня?

– Нет, пока только то, что я уже сказал. Ну, давай, не буду напрягать, отдыхай.

– Пошел ты! – с выражением прошептал я, положив трубку. – Не будет он напрягать. Можно подумать мне больше нечего делать, как всякую ерунду писать. Интересно, на кой хрен ему понадобились характеристики?

И тут я вспомнил одну статейку, читанную когда-то. Если осведомитель КГБ не хотел давать подписку, ему просто поручали задание написать какое-либо донесение в письменном виде. А потом вкладывали в личные дела.

– Понятненько, ребята, вы значит самые умные. Посмотрим, что скажет мой куратор, когда я передам ему характеристики, напечатанные на машинке. – С усмешкой подумал я, представляя разочарованное лицо Ильина.

– Что ты там печатаешь, поинтересовалась мама, когда я в первый раз сел за пишущую машинку и приступил к печатанию характеристик.

Она, конечно, больше интересовалась, не сломает ли сын её драгоценную машинку «Москву» с которой она сдувает пылинки, но мне все же пришлось ответить, что Хельми Эйнарвна попросила перепечатать несколько характеристик, написанных ей для формы Т2.

– Саша, а твою характеристику можно почитать? – заинтересовалась мама.

– Улыбнувшись, я развел руками.

– Увы, мам, моей характеристики здесь нет. Наверно, Пятеляйнен боится, что я исправлю её в лучшую сторону.

К сожалению, полюбоваться разочарованной рожей куратора не удалось. Потому, что передал я ему напечатанные характеристики, сложенные в пакет из плотной бумаги и на улице. Зато ему будет настоящий новогодний сюрприз, когда он на работе начнет просматривать мои труды.

Двадцать восьмого декабря меня снова разыскал Воронин.

– Саша, в общем, так, завтра утром приезжает Матильда. Она уже в Питере.

Я купил четыре билета в муздрамтеатр на балет Золушку, а после него начнется новогодний бал-карнавал. Так, что готовься. Я кстати нашел тебе пару на этот вечер.

– И кого ты мне нашел? – спросил я голосом, которым можно замораживать океан.

– Лиду Ермолаеву, – ответил приятель.

– Так у неё же есть муж!

– Был да сплыл, – сообщил Колька. – А Лида, между прочим, сразу согласилась, но сказала, что пойдет только в том случае, если я тебя уговорю.

– Ну, что, не оставляю же я одноклассника на растерзание девушке, раз уж сам его спровоцировал на ответное письмо. Теперь придется доводить дело до логического завершения, – подумал я, соглашаясь на Колино предложение.

– Тогда с тебя пятнадцать рублей, – сообщил приятель. – Места у нас в партере за них по два пятьдесят и по пятерке за карнавал. Естественно мы платим за девушек.

– А что так дешево? – удивился я.

– Ты, что совсем не в курсе? – удивился Воронин. – У нас совместный праздник, профсоюз его организовал для работников телецентра и дома радио. Денег из профсоюзной кассы ушло немало. Еще же утренник будет для детей сотрудников и подарки, как же без них.

Ну, мужей, жен, девушек можно будет пригласить на карнавал, сам понимаешь. Я уже второй год в профкоме, поэтому и билеты в партер смог достать.

– Что-то вы плохо народ в курс дела вводите, я, к примеру, первый раз об этом слышу, – сообщил я другу.

– Ха, да ты Красовский, когда последний раз объявления у входа читал? – засмеялся Колька. – Ты пару раз даже меня в коридоре не заметил. Где-то в облаках витаешь. Мне кое-кто уже говорил, мол, твой одноклассник зазнался малость. Наверно звездную болезнь подхватил.

– Ничего не подхватил, – сердито ответил я. – Просто последнюю неделю работы много. Сам знаешь, Венто на гастролях. Эльвира якобы заболела и пропала в неизвестном направлении. Я только успеваю бегать из студии в студию. Да еще связался с театром, роль вот учу который день.

– Ну, и что? Я думаю, правильно поступил, продолжай учить. Мне кажется, у тебя все получится.

– Это еще почему?

– Саш, вспомни, как ты на восьмое марта в девятом классе роль Элочки Щукиной в миниатюре играл? Мы тогда чуть не обоссались от смеха. Весь зал ржал. Одни голые ноги тощие чего стоили. Тебе такой блондинистый парик классный нашли. На следующий день,

помнишь, на уроке Людмила Николаевна наша учительница литературы сказала, что комик из Красовского получился, и что ему надо в артисты идти, а не в физики.

– Мда, насчет физиков она была права, – согласился я, – первая студенческая эпопея у меня оказалась короткой, всего один семестр. А что касается Элочки, сам вспомни, как меня хором уговаривали, чтобы я платье одел. Что-то повторять такой опыт не хочется.

Договорившись завтра вместе встретить Матильду с поезда, мы отправились по своим делам.

Рано утром я очень пожалел, что согласился встречать девушку. Градусник за окном показывал минус тридцать один градус.

По этой причине не стал дожидаться автобуса, а быстрым шагом направился к вокзалу. Торопливая ходьба помогла. В овчинном милицейском полушубке стало даже жарко.

– Спасибо бате за тулуп, – думал я. Сейчас бы в пальтишке промерз, как цуцик.

Пришел я во время, на перроне уже появлялись встречающие. Воронин тоже находился среди них. В отличие от меня он был одет довольно легко для такого мороза и уже посинел от холода.

– Колька, чего ты тут торчишь? Иди скорее в вокзал, в зале ожидания погрейся.

– Некогда уже ждать, – стуча зубами, ответил тот, – Сейчас поезд подойдет.

Но я схватил друга в охапку и потащил внутрь здания.

Поезд пришел по расписанию, как полагается, через двадцать минут, за это время Воронин немного отогрелся и рвался на улицу.

Матильда спустилась на перрон с объемным чемоданом, поставила его на снег и с радостным визгом начала с нами обниматься.

– Ой, мальчики, как здорово, что вы меня встретили! Вы совсем не изменились за четыре года.

Долго обниматься мы не стали, мороз не позволил, и направились к стоянке такси.

Отстояв небольшую очередь, поехали к Матильде домой. Там её уже ждала бабушка.

Меня и Колю, она никак не ожидала и встретила не особо радостно, но когда я к ней обратился на финском языке, сразу сменила гнев на милость.

Для начала она решила, что я новый внучкин кавалер. Пришлось её разочаровать.

Долго мы у Матильды не задерживались, надо было идти на работу. Так, что, договорившись, когда и где встретимся завтра, мы распрощались.

По дороге на работу, я чуть язык не сломал, уговаривая Воронина, сегодня вечером снова зайти в гости к девушке. Тот же явно праздновал труса и пытался найти причину к ней не ходить.

– Коля, ты меня достал! Короче, если не пойдешь, я тебя сам туда отведу за руку, понял? – я заявил ему после всех уговоров.

За проходной мы расстались, он направился в дом радио, а я в телецентр.

Шел по заснеженной аллее и смеялся сам над собой, надо же, в третьей жизни заделался свахой, о чем никогда не мечтал.

Вечером тридцать первого декабря мы, вдвоем с Ворониным, топтались на ступенях муздрамтеатра. Проходившие мимо нас сослуживцы периодически интересовались, чего мы тут мерзнем и, не дожидаясь ответа, заходили в двери.

К счастью, сегодня мороз умерил свою силу, но все равно уши ощутимо пощипывало.

Колька был на вздыге, меня же встреча с бывшими одноклассниками практически не волновала.

Удивляясь своему спокойствию, вспоминал две прошедшие встречи нового 1973 года.

Наверно, первая была самая веселая и непосредственная. Праздновал я её в общежитии медфака со своими одноклассниками. Пили вино, смеялись, танцевали. Под влиянием выпи-

того алкоголя я шустро познакомился с третьекурсницей, с ней и провел остаток ночи в чьей-то комнате. Морозным утром проводил её на автобус, девушка, как и я, оказалась не из общежития. С тех пор за все время учебы мы с ней не перемолвились даже словом, только иногда, встречаясь в коридорах, заговорщицки улыбались друг другу.

Второй раз Новый год мы встречали с Людой, почему-то в памяти он практически не отложился.

– Интересно, вспомню ли я этот Новый год? – мелькнула у меня крамольная мысль.

– А вот и мы! Мальчики, здравствуйте, поздравляем с наступающим Новым годом, – дружно воскликнули наши дамы, поднимаясь по ступеням.

Матильда звонко чмокнула меня в щеку. Лида, помедлив, сделала то же самое.

Когда мы прошли в фойе, там уже было полно народа. Все оживленно переговаривались, дамы прихорашивались у зеркал, ну, а мужчины, разбившись по кучкам, о чем-то степенно беседовали.

Наши девушки, вручив нам свою верхнюю одежду, дружно удалились в туалет, приводить себя в божеский вид, Ну а мы, сдав все пальтушки в гардероб, начали искать, к какой компании присоединиться поболтать.

Матильда с Лидой вышли к нам, когда прозвенел первый звонок к началу балета.

Надо сказать, взгляды окружающих они привлекали. Высокая, белокурая Матильда с ярким румянцем на щеках вполне бы могла сойти за снегурочку. Лида Ермолаева была несколько изящней подруги. Красавицей карелка, конечно, не была, но я в который раз удивился тому, как она похожа на Агнету Фельског, певицу из ансамбля АББА.

Видимо не прошел без последствий набег древних карел на шведскую Сигтуну. Кто-то из них оставил свое потомство в Швеции. Или наоборот, набег шведов на карельские поселения привел к тем же последствиям.

Но сейчас, кроме меня никто этого сходства не замечает. До 1976 года, когда шведский ансамбль узнают в Советском Союзе еще жить и жить.

Ну, что могу сказать за балет. Коля, молодец, конечно, постарался взять билеты ближе к сцене, но лучше бы он этого не делал. Оркестровая яма находилась в двух метрах от нас, и музыка просто оглушала, и тем более мешала общаться, а Лиде этого очень хотелось.

Она прямо извелась за время первого акта, но зато в антракте отвела душу. За двадцать минут я не смог вставить ни слова в её монолог. Но выводы определенные сделал:

Итак, Лида рассталась со своим мужем, и сейчас в поиске. Меня она в качестве мужа не рассматривает, но провести праздничную ночь вдвоем у неё дома, очень даже не против.

О чем Коля говорил с Матильдой, не знаю, надеялся только, что ничего лишнего не ляпнул.

Беседа у нас проходила в буфете, где после двух рюмок КВ мое настроение резко пошло вверх.

Бал – маскарад своего названия не оправдал. Лишь небольшая часть присутствующих надели маски, остальные инкогнито соблюдать не собирались.

С удивлением обнаружил, что в одной половине танцевального зала, был накрыт шведский стол и желающие могли закусить несколькими салатами на выбор, водку, коньяк и шампанское, стоявшее на столах.

Публика у нас оказалась культурная, никто не напился и не безобразничал. Дружно кричали:

– Елочка зажгись!

Искали пропавшую Снегурочку и кружились в хороводе вокруг елки.

После двенадцати ночи, я намекнул Лиде, что мне с утра на работу, поэтому, если она хочет продолжения банкета, нам надо улизнуть с праздника. Мы так и сделали, оставив друзей одних.

Шли мы знакомой дорогой, как в те школьные времена, когда я провожал Лиду до дома. После развода она снова вернулась в свою скромную квартиру в двухэтажной деревяшке.

Однако, когда мы зашли в прихожую и Лида включила свет, я понял, скромной эту квартиру уже не назвать, ну, по крайней мере, для нынешнего времени.

В единственной небольшой комнате, оклеенной цветастыми обоями, стоял модный румынский гарнитур вишневого цвета, Японский телевизор «Саньо» на ножках, скромно пригнута в углу. Зато на столике гордо возвышался японский четырехдорожечный магнитофон «Теас», рядом с которым сверкали, отделанные перламутром колонки. На полочке стояли десятка три больших импортных кассет с пленкой. В кухню я не заходил, но из коридора было заметно, что там тоже все в порядке. Кухонный гарнитур явно делался не в Советском Союзе.

Лида искоса глянула на меня, наверняка проверяя, способен ли я оценить то, что вижу.

В принципе, я примерно такого и ожидал. А почему бы и нет. Если у тебя бывший муж – капитан сухогруза, заходящего во все порты Европы, стыдно было бы не иметь подобную технику. Вообще странно, чего она решила с ним расстаться.

Осмотреться пристальней Лида не позволила, не успел я снять пальто, как она потянула меня к роскошной двуспальной кровати. Ну, а я, собственно, и не отказывался.

И все-таки она проговорила в один момент, когда мы ненадолго прервались, чтобы выпить по рюмке голландского яичного ликера и чашечке кофе.

– Сашка – импотент, – неожиданно выдала Лида, допив ликер из рюмки.

Я озадаченно глянул на неё, как бы спрашивая, это ты мне?

Девушка хихикнула.

– Не переживай, у тебя с этим все в порядке, я про мужа бывшего. Он вроде не такой старый, тридцать четыре года исполнилось, а ничего не может. Я два года надеялась, ждала, что у него все наладится, а потом послала его подальше.

– Понятно, – подумал я, – Квартиру обставила; гарнитуры, импортная техника, шкаф полон тряпок. В театре Матильда рядом с тобой выглядела бедной родственницей. Теперь можно и с мужем развестись. Возможно, сама его и довела до импотенции. Скорее всего, сейчас появилась новая кандидатура из Беломоро – Балтийского пароходства.

Вслух своих мыслей я благоразумно не высказывал, спросил только, не поторопилась ли она с разводом.

– Не поторопилась, годы то идут, – ответила девушка. – Поэтому не будем терять времени, уже почти четыре утра.

В половине седьмого мы снова выбрались из кровати. Лида – лентяйка, ничего вчера не готовила к празднику, поэтому мы перекусили яичницей с нарезанными сосисками, и я помчался на работу. Лида о наших дальнейших встречах речь не заводила, а я тем более. Переспали в Новый год, устроили себе праздник и ладушки.

Маман, я предупредил заранее, что ночевать, домой не приду. Пашка тоже где-то праздновал у друзей, поэтому мама встречала Новый год с соседями. А мы, как примерные сыновья, пообещали, что вечер первого января проведем в семейном кругу.

Поэтому, придя домой после утреннего эфира, я занялся готовкой, хотя спать тянуло зверски. Приучил, понимаешь, на свою голову родственников к вкусной и здоровой пище.

Бессонная ночь, впрочем, отыгралась на мне вечером, когда я после бокала шампанского заснул за столом.

После того, как меня растолкали, я прямым ходом направился в постель.

До середины января никаких изменений в моей жизни не случилось, работа, дом, дом работа. У Воронина вроде бы все шло путем. Матильда переселилась к нему и сейчас приводила в божеский вид квартиру, полы которой не видели тряпки несколько лет. Я заранее

был приглашен свидетелем на регистрацию, ну и на скромный вечер в ресторане, свадьбу они решили не проводить.

Тринадцатого января я, наконец, решился вновь перезвонить в Финский театр. Тем более меня к этому подзуживал Энсио Венто. Он, приехав с гастролей, сразу включился в работу и, узнав, как меня отфутболил Паули Ринне, слегка повздорил с ним.

На этот раз меня без звука пригласили на первую в этом году репетицию.

– Александр, приходи к семнадцати часам в понедельник, у нас небольшие пертурбации произошли, сразу несколько новых актеров влилось в коллектив. Поэтому возникла необходимость в застойной репетиции.

Как раз пройдет первая читка пьесы по ролям дублерами; уточнение реплик, снова обсудим замысел спектакля, так, что твое появление приветствуется.

Я спалился, спалился по полной программе. И во всем виновато мое желание попробовать новую профессию.

Ничего, казалось, не предвещало неприятностей. Когда я зашел в зрительный зал финского театра, на передних рядах уже сидели мои будущие партнеры по спектаклю.

Я скромно уселся рядом с ними и, достав роль, попытался еще раз пробежаться по тексту.

Вскоре появились целых два режиссера Тойво Хайме и Паули Ринне. Сразу началась непонятная пока мне разговоры, намеки. Я же сидел молча, ожидая, когда очередь дойдет до меня.

Ждать пришлось достаточно долго, Ринне, пока Тойво Хайме работал с актерами, спокойно сидел, наблюдая за происходящим со стороны. Но, когда Хайме добрался до меня, тоже подошел ближе внимательно выслушал несколько монологов, попросил провести небольшую сцену с актёром, исполняющим роль Илмаринена.

После нашего короткого выступления режиссеры переглянулись и отсев от нас подальше в зал, начали что-то негромко обсуждать.

У нас наступила пауза, во время которой я поймал на себе несколько заинтересованных женских взглядов.

Тем временем на сцене появились двое рабочих, ставящих декорации. Некоторое время спустя оттуда донеслись просьбы о мужской помощи, декорации оказались довольно тяжелыми.

Я и еще один молодой парень, Эрик, как его называли коллеги, переглянувшись, поднялись на сцену и впряглись в работу. Декорации были довольно тяжелые, а на сцене жарко, спустя несколько минут я уже взмок и начал думать, что зря вылез со своей инициативой.

В это время мой напарник, с которым мы двигали декорацию, тяжело дыша, посоветовал мне зайти с другой стороны сцены. В ответ, я посоветовал ему самому сделать тоже самое, только осторожней, чтобы не задеть крюк с огнетушителем на стене.

Неожиданно парень остановился, опустил свою ношу на пол и, улыбаясь, спросил:

– Алекс, ты швед?

– Блин, горелый! – мысленно воскликнул я. – Эрик обратился ко мне на шведском языке, а я, как дурак на нем же и ответил.

Показав свое знание языка, теперь было бы глупо его стараться скрыть, поэтому мы с Эриком так и продолжили разговаривать на шведском языке, спустившись со сцены.

Особого фурора среди артистов это не произвело. Все знали, что Эрик Хансен финский швед, приехавший к нам по обмену на стажировку, но обо мне здесь никто ничего не знал, поэтому мог посчитать банальностью знание шведского языка. Если бы не Эрик, никто бы и внимания не обратил на нашу беседу.

Но тому не терпелось выказать радость по поводу того, что у него появился собеседник, разговаривающий на родном языке. И он тут же громко заявил, что Алекс разговаривает по-шведски, как истинный швед.

После чего общего внимания было уже не избежать. Хорошо, что кроме Эрика шведским языком никто не владел, поэтому его утверждения, что Красовский разговаривает практически без акцента, встретили довольно скептически.

Паули Ринне, однако, заметил, что талант может проявить себя в различных областях, как показала сегодняшняя проба, задатки лицедея у товарища Красовского имеются и при должной работе он может добиться заметных успехов в театральном искусстве, таких же, как в изучении иностранных языков.

Я же в это время находился в некой прострации, представляя, что подумает обо мне мой куратор из КГБ, когда узнает занятую новость от коллег, чьи осведомители работают в финском театре, что Красовский свободно болтает по-шведски с гражданином Финляндии. Скорее всего, его первой мыслью будет, когда и где Красовский успел выучить шведский язык.

Похлопав в ладоши, Хайме попросил внимания, после чего мы продолжили репетицию.

Возвращаясь, домой я подумал:

– А собственно чего парюсь? Что мне могут предъявить? Что я шпион? Смешно! Кто поверит? Моя жизнь до этого момента протекала на глазах у всех. Так, что знание языка окружающие объяснят чем угодно, только не переселением душ. А я намертво стоять буду на том, что выучил его по самоучителю. Другое дело, что найдутся люди, желающие использовать мои знания в своих интересах. Тот же Женя Ильин, к примеру.

Итогом репетиции стало то, что свободного времени у меня не осталось вообще. Работа, и подготовка к спектаклю вот чем я был занят с утра до вечера. И подготовку к экзаменам никто не отменял. Зачеты были сданы еще до Нового года. Так, что оставалось только ждать начала сессии. В принципе, экзамены у вечерников принимались без особых сложностей. Преподаватели относились к нам снисходительней, чем к студентам дневных отделений. Так и я не особо переживал, надеялся на лучшее. С опаской лишь ждал встречи с преподавательницей истории КПСС. Хотя я старался не высовываться и не задавать лишних вопросов, несколько раз ухитрился отвечать не по учебнику, чем и привлек к себе внимание нашего доцента Марии Ивановны Гладковой, поинтересовавшейся источниками моих знаний.

Ну, объяснять же ей, что все свои знания я приобрел, читая открытые источники в капиталистической России. Кое-как объяснился тем, что где-то, что-то читал, а вот, где, убей бог, не помню. Чувствую, что сдать экзамен по этой дисциплине будет из-за этого сложнее, чем остальные.

У Пашки сессия уже началась, и в экзаменационные дни после сдачи очередного экзамена он приходил домой изрядно подшофе. Сдавал экзамены братец так себе и, похоже, ему, как троечнику, грозило остаться без стипендии. А это ни много не мало – целых сорок рублей. Месяц можно прожить, если не шиковать. Не то, что путинские две тысячи – один раз в магазин сходить. Маман уже сообщила, что никакой магнитофонной приставки «Ноты» он не получит, если продолжит хватать тройки.

Хотя по итогам сессии, Паша и лишился стипендии, но мама все же расщедрилась и на мое горе согласилась на покупку этого агрегата. А как хорошо без него жилось!

В общем, мой брат сразу стал меломаном. Одним прекрасным вечером придя с работы, я увидел, как он, вне себя от счастья, подключив нашу старую радиолу к новенькой магнитофонной приставке, пытается записать на ней какую-то лабуду со старых рентгеновских пленок.

– Пашка! – возмущенно воскликнул я. – На какой помойке ты эти записи нашел?

– Тихо, Сашка, не кричи, мама услышит, – тревожно зашептал братец. – Купил я эти кости. Юрка Тараскин ездил в Ленинград и оттуда их привез. На них Битлы записаны. У нас целая очередь на такие стоит.

– Паша, ты случайно не знаешь, где я работаю? – ехидно спросил я.

– Ну, знаю, и что.

– А ты знаешь, какие у нас магнитофоны стоят?

– Понятия не имею.

– Ну, раз не имеешь, покупай магнитофонную пленку, а я запишу тебе на работе, все, что ты захочешь. Только говно второго типа не покупай. Ищи тип-6 с бобинами на 15. А это старье выкинь, такая пленка головку моментом запилит. Откуда ты её только выкопал. По моему на ней наш батя в шестидесятом году Зыкину или Бернеса записывал.

– Точно, Сашкец, вот дурная голова, я и не сообразил, что у тебя есть такая возможность. А я ведь Тараскину целых пятнадцать рублей за эту мутоту отвалил. Мама узнает, убьёт, на хрен! Но пленку выкидывать не буду, кому-нибудь по дешевке продам.

– Слушай, Паш, а что твой Тараскин пластинки не привозит? Они, конечно, намного дороже стоят, но качество не сравнимое, – спросил я.

Но брату, уже было не до пластинок. Его окрыляли открывшиеся перспективы. Он вырвал листок из тетради и торопливо писал названия нужных ему песен.

Я же горестно думал, что теперь дома с этой музыкой нам с мамой покоя не будет. Но раз покоя все равно не будет, так пусть хоть записи будем слушать качественные.

Забегая вперед, скажу, что Пашкец, зараза, похвастался приятелям своими записями, и те потом одолевали его просьбами переписать то один альбом, то другой. Я же категорически отказался выполнять их хотелки, из-за чего у нас периодически возникали разногласия, заканчивающиеся примирением. Самому то Паше все время что-то было нужно.

В конце января позвонил Ильин. На этот раз его голос дружелюбием не отличался. Сухим тоном он сообщил, что хотел бы встретиться в ближайшее время.

Сославшись на подготовку к сессии, я попытался отложить беседу, но не получилось. Так, что второго февраля, я вызвал такси и отправился на обговоренную встречу.

Интермедия № 2

– О чем орлы задумались? – зашедший в кабинет капитан Сивков добродушно спросил у подчиненных, двух лейтенантов, оживленно обсуждавших какую-то проблему.

Те переглянулись. Добродушный тон капитана по их опыту сулил немало неприятностей провинившимся. Вот только кто сейчас являлся таковым, пока оставалось загадкой.

– Товарищ капитан, тут такое дело, – первым среагировал лейтенант Ильин. – обсуждаем донесение агента «Фукса». Лейтенант Иванов только, что ознакомил меня с ним.

– Ну, и? – нахмурился капитан.

– Согласно донесению агента «Фукса», которому мной поручено отслеживать контакты финского гражданина Эрика Хансена, последний начал активно общаться с Красовским Александром Владимировичем, работающим диктором нашего радио и телевиденья. – казарменным тоном доложил Иванов.

– Так, так, так, и в чем тут у вас загвоздка? Они, что вместе по бабам ходят, или там дела серьезней обстоят, – хмыкнул капитан, добродушие из его голоса испарилось, и лейтенанты слегка приободрились.

На этот раз слово взял Ильин.

– Понимаете, Николай Капитонович, когда лейтенант Иванов зашел сообщить мне эту новость, я обратил внимание на тот момент в донесении, где указывается, что Красовский и Хансен свободно разговаривают на шведском языке. Вместе они нигде не появлялись, общих

знакомых у них не имеется. Общение проходит только во время репетиций в театре. Но это не точно. Сейчас мы решаем достаточный ли это повод для установления наружного наблюдения за этими фигурантами.

– Получается, Красовский свободно говорит по-шведски? – заинтересованно воскликнул капитан.

– Так точно, – в унисон отрапортовали лейтенанты и уставились на своего начальника, как на гуру, который вмиг разрешит все их вопросы и сомнения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.